

Я ВЗЛЕЧУ.
И БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ УПАДУ.

18+

ЗОЛЮТАЯ ПТАШКА

РЕЙВЕН КЕННЕДИ

Опасно горячие фэйри

Рейвен Кеннеди

Золотая пташка

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кеннеди Р.

Золотая пташка / Р. Кеннеди — «Эксмо», 2023 — (Опасно горячие фэйри)

ISBN 978-5-04-255883-2

Захватывающий финал эпического ромфэнтези-цикла, разошедшегося тиражом в 3 миллиона экземпляров по всему миру. Идеально для поклонников Сары Дж. Маас и Дженнифер Л. Арментроут. Один король заточил тело Аурен в темницу. Другой заковал в цепи ее разум. Враги опустошили юную фэйри, оставив лишь оболочку без воспоминаний. Они думают, что сломали Аурен окончательно, но жестоко просчитались. Слейд, ее король, проходит через мост Лемурии, чтобы найти девушку, даже если для этого придется сжечь дотла мир фэйри. Они две половины древней магии уз, способной сокрушить Каменного короля и исцелить два проклятых царства. Аурен предстоит вспомнить, кто она: последняя наследница Терли, Льяри Ульвере — Золотая девушка. Золото не разрушается, как камень, — оно гнется. А пташка, созданная из золота, не падает. Она взмывает ввысь. «Эпичный и триумфальный финал серии о пленнице в золотой клетке, которого мы так долго ждали! Рейвен Кеннеди снова сумела разбить сердца читателям, а потом собрать их воедино. Слейд и Аурен — одна из самых недооцененных и ярких пар в современном ромэнтэзи, но и второстепенные герои не уступают им по силе духа и отваге. Мир "Золотой пленницы" незабываем, и я буду очень сильно по нему скучать!» — Варвара, переводчик, автор канала bookishlands

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-255883-2

© Кеннеди Р., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	38
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Рейвен Кеннеди

Золотая пташка

© 2023 by Raven Kennedy

© Конова В., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Внутренние иллюстрации Селеверстова Даниила и AgiwArt

* * *

*Помните, что вы сильнее тьмы
и у вас есть крылья, чтобы взлететь*

Глава 1

Слейд

Во внутреннем дворе среди солдат царит суматоха.

Я выхожу из замка, чуть запыхавшись из-за спешных сборов перед отбытием. Ко мне подходят с вопросами пара стражников, и после их торопливого ухода я устремляю взгляд вперед.

Между дверями замка Брэхилл и рвом, заполненным водой, я насчитал три дюжины тимбервингов. В воде отражается кривая луна, пожелтевшая как сливки, что слишком долго пробыли на воздухе.

Все солдаты облачились в кожаную форму для боя и плотную зимнюю одежду, а тимбервингов разбили попарно. На них тоже доспехи из черной кожи и металлические нагрудники, защищающие уязвимую грудную клетку.

Звери взвинчены, они царапают когтями мощеную дорожку и зорко смотрят в небо. Солдаты прекрасно понимают, чем рискуют, но эти звери ощущают повисшую в воздухе нервозность, тревожное ожидание и жажду крови.

Они всегда понимают, когда наступает время отправляться на войну.

На земле рядом со мной валяются куски черного камня, которые остались после появления королевы Кайлы. Они напоминают горсть рассыпанного угля. Черный обелиск теперь полностью разрушен.

И уничтожен. Как мое терпение, будь все проклято.

Хочется отправиться в путь сию же секунду. Я очень быстро собрал вещи, подготовил своих министров и Гнев, поэтому уже пора бы тронуться в путь.

В мыслях один хаос, внутри все переворачивается от новостей Лу. Оказывается, мост Лемурии цел. Восстановлен. И ведет в мир фейри.

Черт побери, как им удалось восстановить мост? Почему Седьмое королевство еще существует?

Когда я пролетал над ним несколько лет назад, то увидел, что от бывшего царства осталась лишь мерзлая бело-серая земля, покрытая трещинами. Там я не нашел ни людей, ни животных, ни городов – лишь пустоту и разломы. И, похоже, единственное, что уцелело, – это затяжное эхо магии, которая пронзила землю насквозь, как осколки зеркала.

Помню, каким лживым показалось это эхо. Оно напомнило о запахе, который остается после того, как выбрасывают сгоревшую еду. Ощущение, которое вызывает неприятные чувства и никак не выветривается.

На краю света не осталось ничего. Совсем ничего.

Разрушитель, мой отец, сотни лет назад уничтожил этот мост, задолго до моего рождения. Благодаря этой могущественной магии он стал главным союзником правителей. Обрел богатство и известность.

А теперь кто-то или что-то восстановили разрушенный мост.

Не знаю, замешан ли тут мой отец и жив ли он вообще. Не знаю, кто приказал вторгнуться в Орею, и не знаю, в каком состоянии сам мост.

Но не все ли равно? Для меня важна только она.

Теперь у меня есть возможность добраться до Аурен. Мне не удалось открыть портал, исполнить обещание найти ее, но сейчас появилась надежда.

Мое гниющее сердце непрестанно болит. Стучит в унисон с приливом сил, вот только вместо стука я слышу «ступай, ступай, ступай».

«Отправляйся к мосту. Отправляйся в Эннвин. Отправляйся к ней».

Я просовываю руку в карман и наматываю на пальцы обрывок ленты Аурен.

«Я найду тебя. Я найду тебя в той жизни. Черт возьми, я тебе обещаю. Но ты должна идти. Пожалуйста, детка».

Я неотступно слышу свою надломленную мольбу. Помню, как Аурен произнесла мое имя. Как смотрела на меня с полным опустошением.

Сердце сжимается от боли, которая как будто исходит отовсюду. Справа и слева, сверху и снизу, изнутри и снаружи.

Я больше не в силах ждать.

Отпустив ленту, я окидываю взором темный двор, окруженный факелами, что отбрасывают оранжевый свет. Вижу, как по команде Райатта, чей профиль освещает огонь, выстраиваются отобранные им элитные войска.

Он указывает на пару тимбервингов, пока несколько солдат закрепляют ремни. Между животными висят поводья, сплетенные из толстой кожи и прочной веревки. А на их спинах громоздятся военные рюкзаки, в которых тимбервинги во время полета переносят солдат и оружие.

Не самый удобный способ передвижения. И не самый быстрый, ведь звери будут перегружены. Но этот метод удалось отработать за века ореанских сражений.

Тридцать шесть всадников на тридцати шести тимбервингах – это восемнадцать пар. На каждую пару приходится по пять солдат из элитного эшелона, которых звери понесут в военных рюкзаках. В общей сложности с нами может полететь сто двадцать шесть солдат, чтобы подготовить Рэнхолд к вторжению.

Сто двадцать шесть. Против тысяч фейри.

Но мы намереваемся отправиться прямиком в Рэнхолд, дабы подготовить армию Пятого королевства, где я ударю по фейри своей магией. А тем временем наш элитный отряд и король Толд всеми силами попытаются остановить продвижение фейри.

Брат умолял дать Орее шанс. Так я и поступаю.

Я подхожу к Райатту, и, заметив меня, он отпускает солдат, с которыми разговаривал.

– Сколько еще? – как только мы остаемся наедине, спрашиваю я и прекрасно понимаю, какое нетерпение слышно в моем голосе.

Райатт в полном боевом облачении, на лице невозмутимое выражение истинного воина.

– Я жду еще шесть гвардейцев, к тому же кузнец в течение часа должен доставить оружие.

На кухнях заготавливают пайки, а король Толд тоже...

У меня вырывается рык.

– Все слишком медленно.

Райатт раздраженно смотрит на меня.

– Я стараюсь ускориться. И пытаюсь подготовить всех к тому, что ты отбудешь с первыми лучами солнца, но подготовка требует времени.

– Да нет у меня времени! – чересчур резко выпаливаю я.

Понимаю, что брат из кожи вон лезет, чтобы обеспечить нас всем необходимым, но даже их быстрота кажется чертовски медленной.

Снова окинув двор нетерпеливым взглядом, вижу, насколько далеко нам еще до отбытия. На нескольких тимбервингах даже нет седел.

«Отправляйся в путь, вперед, вперед».

Я больше не в силах противиться этому призыву.

– Я отправляюсь первым.

Райатт удивленно приподнимает брови, и в ту же минуту к нам подходят Лу и Джадд.

– Ты улетаешь прямо сейчас? – поравнявшись со мной, спрашивает Лу. Я замечаю круги у нее под глазами от усталости.

– Не могу больше ждать. Мне нужно что-то предпринимать. Больше ни секунды не могу сидеть сложа руки.

– Я с тобой, – не мешкая, предлагает она, но я качаю головой. Лу слишком упряма, чтобы признать мою правоту, но ей нужно отдохнуть, прежде чем снова садиться на тимбервинга. Прошло не более пяти часов с тех пор, как она прилетела и поведала нам о нападении фейри на Хайбелл.

– Нет, – говорю я. – Поспи пару часов и отправляйся вместе с остальными.

– Но...

– Это приказ, Талула.

Она сердито смотрит на меня.

– Не гони мне эту хрень, – резким тоном выпаливает она, но я замечаю в ее глазах проблеск облегчения. Ей точно нужно поспать, чтоб ее.

Заметив, как ухмыляется Джадд, Лу бьет его локтем в живот, и он сдавленно охает.

– Эй! – возмущается он. – Не я же назвал тебя полным именем! Чего ты меня-то бьешь?

– Из-за твоей тупой улыбки.

– Моя улыбка не тупая, – оправдывается он, потирая живот.

Закатив глаза, Лу поворачивается ко мне.

– Кто-то из нас должен тебя сопровождать.

– Ты только удержишь меня, – отвечаю я. – Арго – самый быстрый тимбервинг. В одиночку я доберусь до Рэнхолда быстрее, и никого ждать не придется. Райатт остается здесь с войском; выходит, вы с Джаддом должны возглавить элитную гвардию и помочь королю Толду с его отрядом. Они нечасто странствовали по Пятому королевству. Вы оба знаете кратчайший путь и как противостоять стихии. Как и Дигби. – Лу продолжает смотреть на меня с сомнением, и я добавляю: – К тому же вы отстанете от меня всего на полдня.

– А что будет, когда ты доберешься до Рэнхолда? – спрашивает она.

– Я расскажу новому королю Фульку о надвигающейся угрозе и удостоверюсь, чтобы он подготовил армию. А затем обрушу на фейри всю свою магию и направлюсь к мосту.

По лицу Лу понятно, что ей все же не нравится мысль о том, что я отправлюсь туда один, но она воздерживается от возражений. Вот как я понимаю, насколько она изнурена.

– До встречи в Рэнхолде, – говорю я ей. – А теперь поспите хоть немного, капитан.

– Ладно, – уступает она и поворачивается к Райатту: – Пришли за мной кого-нибудь, когда придет время отправляться в путь.

Джадд открывает рот, но она, не удостоив его и взглядом, тычет пальцем в его лицо и говорит Райатту:

– Только не его.

Джадд снова расплывается в улыбке.

Райатт ухмыляется и качает головой:

– Не волнуйся, я пошлю за тобой.

Лу кивает и переводит взгляд на меня.

– Будь осторожен, – говорит она со всей серьезностью.

– Хорошо.

Лу уходит, и я вижу, как она останавливается и разговаривает с Дигби, а потом возвращается в замок. Я кошусь на Джадда.

– Сообщи стражникам короля Толда, пусть предупредят его, что я полечу вперед.

– Будет сделано. – Он отдает мне честь. – До встречи в этом паршивом заснеженном королевстве. Давай-ка в следующий раз повоюем на более теплых землях?

– Конечно, – сухо отвечаю я.

Джадд удаляется размашистым шагом, а я морщусь от внезапной боли в груди и прижимаю к ней пальцы. Райатт замечает и сощуривается.

– Что случилось?

– Ничего, – быстро отвечаю я и опускаю руку.

– Слейд...

– Мне просто нужно туда, Райатт.

Он поджимает губы, но все же кивает:

– Ладно. Заставлю их ускориться, чтобы не отставали от тебя.

– Я в тебе не сомневаюсь.

Брат идет со мной к Арго. Его легко различить среди других зверей, потому что он крупнее, и сейчас его крылья цвета коры распростерты, а сам тимбервинг скалится. Он сражается за лидерство, обеспечив себе пространство шириной в двадцать футов, и огрызается на остальных тимбервингов, которые осмелились даже просто когтем вторгнуться в его личное пространство. И все же он намного дружелюбнее, чем был до того, как чуть не погиб.

– Территорию свою помечаешь? – шепчу я, поглаживая ему бок.

Он беззастенчиво смотрит на меня. Потом поворачивает голову, и его поведение тут же меняется. Рык утихает, напряжение ослабевает.

Я оборачиваюсь через плечо и вижу, как к нам вприпрыжку спешит Винн. За ней держится ее сестра. Обе сменили серые религиозные одеяния Второго королевства на яркие платья.

Подбежав к Арго, Винн обхватывает его руками за шею. Он наклоняет к ней голову, что, как мне кажется, в исполнении тимбервинга можно принять за объятие, и утыкается носом в ее кудрявые черные волосы.

Отстранившись, Винн переводит взгляд на меня.

– Ему обязательно отправляться на войну? – спрашивает она, ее карие глаза блестят от слез.

От ее печального тона меня пронзает укол вины.

– Я буду его беречь.

Винн всхлипывает, и Шей, старшая сестра, в утешение кладет руку ей на плечо.

– Винн хотела попрощаться. Она очень привязалась к Арго, пока лечила его во время нашего странствия сюда.

Переведя взгляд на Арго, который прижимается к ней мордой, я улыбаюсь.

– Судя по всему, и он к ней привязался.

Услышав еще один грустный всхлип, я присаживаюсь перед Винн на корточки и смотрю ей в глаза.

– Арго уже очень давно позволяет мне быть его всадником, – говорю я. – Он обожает летать, а еще он очень быстрый. С ним все будет хорошо.

– Но его уже ранили, пока вы были с ним, – напоминает она, и на ее юном лице читается обвинение.

Шей сжимает плечи сестры.

– Винни, – упрекает она.

Я качаю головой:

– Нет, твоя сестра права. Он действительно пострадал из-за меня. – Я перевожу взгляд на Винн: – Даю слово: если будет грозить опасность, я отправлю Арго обратно. – Я протягиваю руку: – Договорились?

Девочка берет меня за руку и пожимает ее.

– Договорились.

– Хорошо, – говорю я. – И еще я хотел бы лично поблагодарить тебя за то, что ты вылечила Риссу.

Она слегка мнетя, как будто стесняется.

– Не за что.

Встав, я смотрю на Шей:

– Вас обеспечили всем необходимым?

– С лихвой. Спасибо, Ваше Величество, – отвечает она и смотрит на сестру: – Пойдем, Винни, нам пора. Король очень занят.

Винн смотрит на меня.

– Вы и правда удостоверитесь, чтобы с ним больше ничего не случилось?

– Обещаю.

– Хорошо, – кивает она. Напоследок еще раз обнимает Арго, и сестры уходят, держась за руки.

Я перевожу взгляд на Райатта, и брат кивает, поняв ход моих мыслей.

– Не волнуйся, Исали и Уоркен присмотрят за тем, чтобы о них хорошо позаботились. И не выдавай меня, но Озрик купил им дом в городе. Хороший, прямо у реки. Но он не хочет, чтобы они знали, что дом от него.

– Я не удивлен.

– Ты ж его знаешь, – говорит Райатт. – Оз бесится, если кто-то прознает о его милых поступках.

– Если бы он услышал, как ты произнес в отношении него слово «милый», он бы хорошенько тебе вмазал.

– Наверное, – ухмыляется Райатт.

Повернувшись, я еще раз проверяю пряжки на Арго, убедившись, что мой рюкзак надежно закреплен. Затем забираюсь в седло и смотрю на брата. Вижу по его лицу, что он нервничает, хоть и хорошо это скрывает. Все тревожатся. Никто не ожидал, что нас снова постигнет такая угроза, ведь фейри покинули наш мир на несколько столетий.

– Береги Арго и себя, – говорит брат тише, чтобы никто не услышал.

– Обязательно. Сначала уничтожу как можно больше фейри, а потом отправлюсь к мосту.

– Не сомневаюсь. Используй огонь против огня и сражайся с фейри, как фейри, – с легкой усмешкой говорит брат, а потом снова становится серьезным. – Если ты на нашей стороне, у Ореи точно есть шанс.

– И дело не только во мне. У Ореи есть шанс благодаря тебе.

Райатт судорожно глотает, и меня снова охватывает вина, потому что я вижу, как много значат для него мои слова. Я должен был сказать это намного раньше. Должен был давным-давно назначить его на этот пост. Я так привык быть Райатту старшим братом и защищать его, что не позволил ему самому взять на себя роль защитника.

– Отправь весточку, как доберешься до Рэнхолда.

– Будет сделано, – отвечаю я.

Если нам понадобится мобилизовать армию Четвертого королевства, он будет готов.

Между нами остается столько всего недосказанного, но времени нет. Мы долго смотрим друг на друга, и я киваю.

– Доброй службы, командир.

Он сгибается в пояс.

– Буду защищать Четвертое королевство ценой жизни.

Этого-то я и боюсь.

– Ты найдешь Аурен и нашу мать, – произносит Райатт без тени сомнения в голосе, потому как знает, что с иным вариантом я не смирюсь. – Будь осторожен, – тихо шепчет он.

– И ты, брат.

Я стискиваю поводья, чувствуя, как тянет в сердце от нахлынувших чувств и боли.

Но желание добраться до Аурен тянет сильнее.

«Ступай, ступай, ступай».

Кивнув напоследок Райатту, я подталкиваю Арго, и он взмывает в ночное небо. Оставшиеся на земле тимбервинги пронзительно рычат нам вслед, завидуя, что мы уже в пути.

Сердце бьется быстрее, потому что я наконец-то отправился за Аурен. И хотя в груди пульсирует от боли, хотя я чувствую, как по венам разливается яд, я забываю обо всем. Потому что направляюсь к ней, и ничто, даже мое гнилое сердце, меня не остановит.

Глава 2

Слейд

Арго взмывает ввысь, и темнота накрывает нас саваном. Брат, стоя в тени, машет рукой на прощание.

Я устремляю взгляд вперед, когда мы пролетаем над рвом, покидая замок и направляясь к городу. Столица испещрена уличными фонарями и факелами, висящими в покачивающихся на воде лодках. Каждый огонек напоминает о том, сколько людей живет в одном только Брэкхилле. И я в ответе за этих людей.

«Тогда пусть все рухнет», – так я сказал Райатту про Орею и не кривил душой. Но так было до того, как извне проник враг.

Я все понял по взгляду Райатта, в котором сквозило осуждение. Он тщательно его скрывал, но все же винил меня. Армия, что вторглась в Орею, состоит из представителей моего вида. Моего рода. Райатт не стал произносить вслух, но я все равно слышал. В некоторой степени это моя зона ответственности – защищать Орею от таких, как я.

«Дай Орее шанс».

«Доберись до моста».

Убью двух зайцев одним выстрелом. Я пролечу над Рэнхолдом и направлюсь напрямиком в Седьмое королевство. Путь удлинится на пару часов, максимум на полдня, но там я наращу силы, чтобы сдержать фейри. А уж потом смогу добраться до моста.

Сквозь зубы вырывается шипение, когда в груди снова простреливает от боли. Она разливается по венам, проникая в гнилые корни, обвивающие мои руки. Я сжимаю в кулак правую кисть, пытаюсь прогнать это ощущение.

Но оно не проходит...

К черту. Я все детство превозмогал боль, и терпимости мне не занимать. Отец иного не допускал. Если уж я выдержал то, что он мне уготовил, то ради Аурен смогу преодолеть и эту боль.

Словно бросая мне вызов, гнилой орган в груди пульсирует сильнее, и я сжимаю челюсти.

Преодолеваю эту чертовщину.

Я сжимаю поводья, и мы набираем скорость, покидая столицу и замок. Арго, похоже, чувствует, что я тороплюсь, потому как летит так, словно хочет обогнать ночь.

И одерживает победу.

Мы сокращаем дистанцию. Такими темпами доберемся до Рэнхолда в рекордные сроки. Хвала, на хрен, богам.

Мы всю ночь летим над Четвертым королевством. Я не смыкаю глаз и стискиваю зубы. Мне остается лишь отсчитывать секунды между накатывающими приступами боли. Она грохочет в такт безумному порыву поторопиться.

Вперед, вперед, вперед!

Сколько бы усилий ни прикладывал, мне не удастся открыть портал, но до этого гребаного моста добраться я сумею.

Я должен.

Ровно перед рассветом Арго замечает стаю птиц. Он выныривает из-за облаков, нацелившись на добычу. Птицы не замечают его до тех пор, пока он не пикирует вниз и не хватает широкой пастью два пернатых создания. Их пронзительные крики заглушают звуки трескающихся костей и шелест перьев.

Я сжимаю колени, подготовившись к тому, что Арго нападет в третий раз.

– Арго...

И меня так резко пронзает боль, что я подскакиваю в седле. В груди режет столь сильно, что перехватывает дыхание, а глаза застилает пелена.

Боль такая же острая, как клыки Арго, которыми он ломает кости. Вот только то же сейчас происходит с моим сердцем, мать его. Боль пронзает его насквозь, заставляя меня истекать кровью.

Я накренаюсь в седле, заваливаясь вперед. Ощущение, будто мое тело режут посреди моря, и меня подхватывает течение отравленной воды. Я опускаю взгляд на место, откуда исходит боль, и округляю глаза.

Мое гнилое сердце начало раздуваться.

Из-за этого кожаная куртка, в которую я облачен, приподнимается с груди. С головокружительной болью сердце рвется наружу, и я понимаю, что происходит.

Оно вот-вот лопнет.

Нет!

Мое сердце решило подвести меня именно сейчас? Когда я наконец получил возможность добраться до Аурен? Когда наконец отправился в путь?

Я не умру. Ну уж нет, черт меня подери.

Но у тела, похоже, иные планы.

Мое сердце наполняет его ядом. Тело словно заливают горячий, жгучий дождь, вымывая кровь и выжигая каждую вену.

Я смотрю на руки, набухшие от гнили. Каждый сантиметр кожи испещрен черными линиями так, что плоть почти не видна.

Я больше не могу держаться. Руки соскальзывают с поводьев, и я падаю на спину Арго от невозможности сидеть, от невозможности даже дышать. Я чувствую, как Арго поворачивает голову, смотря на меня, а потом раздается оглушительный рев, и я начинаю соскальзывать.

Проклятье!

В панике я размахиваю руками и ногами, начиная падать.

Но резко останавливаюсь, когда натягиваются удерживающие меня ремни. Они помогают мне усидеть, хотя и растягиваются.

Седло смещается с Арго, когда мое тело накреняется, и я свисаю с его бока. Только один кожаный ремень удерживает меня от падения.

Какая невообразимая боль.

Арго снова рычит и пытается извернуться, чтобы я сел прямо. Но я не могу пошевелиться. Меня парализовало от боли, и я чувствую, как яд медленно проникает в шею, в щеки, в глаза...

Перед глазами все темнеет, и в то же мгновение я чувствую, как Арго пикирует вниз.

К горлу подкатывает тошнота, и мы мчим по воздуху. Кожанный ремень перекручивается, отчего я соскальзываю назад и вылетаю из седла. Единственное, что еще соединяет меня с Арго, – ремешок, повязанный вокруг моего пояса.

Если он порвется... если пряжка сломается...

Боль разливается по всему телу со скоростью молнии.

Черт, черт, черт!

Я могу умереть прежде, чем мы опустимся на землю.

Меня захлестывает порыв воздуха, мотая мое тело влево-вправо, а Арго продолжает рычать. Продолжает нестись вниз.

Я лечу за ним, как флаг, развевающийся на ветру, а потом натянутый ремень на седле лопается.

Ветер подхватывает меня, как лист на ветру, и вместо того, чтобы опускаться на землю по собственной воле, я начинаю по-настоящему падать.

Я падаю и падаю, смотря в темноту.

На мгновение меня посещают мысли: не то ли чувствовала Аурен, когда провалилась в портал? Не наказание ли это мне за то, что отправил ее туда в полном одиночестве? Я задыхаюсь и размахиваю руками, ощущая, как все сжимается от ужаса.

Я падаю.

Умираю.

Сердце вот-вот вырвется из груди, а гниль хлынет наружу.

Тело готовится к падению на землю.

Я собираюсь с духом.

Но за секунду до неизбежного падения Арго ныряет вниз и подхватывает меня лапой, обхватив когтями руку и ногу. Я морщусь от боли, но через секунду он снова роняет меня, и я с глухим стуком падаю на твердую землю, качусь по влажной траве и рыхлой почве, а потом внезапно останавливаюсь.

Я наполовину увяз в трясине, весь правый бок мокрый от мутной воды.

Боль хочет меня истощить, хочет удержать меня в тисках, но я борюсь с ней. Напоминаю себе о том, что пережил по вине отца.

«Двигайся.

Вставай, вставай, вставай...»

Из рта вырывается рев, пока я сражаюсь с болью за контроль над телом. Влажная почва не дает сделать вдох, но я приказываю своему телу повиноваться мне. Вытянув руку, хватаюсь за траву и с силой приподнимаюсь.

Боль пожирает меня, перед глазами мелькают темные пятна, но каким-то образом я подтягиваюсь и чудом выползаю из трясины. А потом падаю и переворачиваюсь на спину, обливаясь потом и дрожа всем телом. Еще немного – и меня, черт возьми, вырвет.

Я опускаю руки и распахиваю кожаную куртку, обнажая грудь. Сердце выглядит так, словно сейчас взорвется. Оно похоже на огромный пузырь, полный гноя, вот только у него коричневая окантовка и из него исходят черные корни.

А вот это плохо.

Я вижу, как пульсирует каждая вена, закачивая в мой организм больше яда. Линии гнили теперь не только на груди и руках – я весь ими покрыт, они ползут по животу и кистям, и даже по ногтям.

Я весь ими изрешечен, что даже кажется нереальным.

Арго толкает меня в бок, издавая тихие горловые звуки. Он опускается, призывая меня встать, поэтому я поднимаю руку и хватаюсь за ремень у него на шее.

Но не успеваю забраться ему на спину, потому как сотрясаюсь в конвульсиях. Я отшатываюсь назад, и у меня перехватывает дыхание, когда муки становятся совсем нестерпимыми.

И я понимаю.

Вот и все. Я умираю.

Но перед глазами проносится не моя жизнь. А она.

Меня переполняют воспоминания об Аурен, поглощая сполна. Их мало, очень мало. Но я вижу их. Чувствую. Слышу.

Эти короткие мгновения. Например, когда я наблюдал за ней, пока она этого даже не осознавала. Любовался ее лицом, пока она ела; наблюдал, как она поднимается по лестнице; видел, как она улыбается Джадду, пока тот что-то говорит. Слушал ее голос, когда она делилась со мной своей правдой. Ощущал аромат ее волос – как в момент, когда она лежала у меня на груди.

Но есть и более важные мгновения, когда она казалась слишком великолепной для этого мира. Когда все остальные в сравнении с ней казались незначительными и тусклыми. Ее реванш, ее сила, ее доброта и ее свет.

Мне было предназначено ее отыскать. Увидеть ее.

Не может быть.

Не может быть, чтобы на этом все завершилось.

Из груди вырывается хриплый стон, когда боль с силой впивается в ребра.

– Аурен, – выдыхаю я. Словно она может меня услышать. Словно я могу сказать все, что нужно.

В уголках глаз собираются слезы, ставшие горестными свидетелями моего провала. Я плачу, ведь мне больше не доведется наблюдать за ней. Плачу, думая о тех коротких и важных мгновениях, что я пропущу. Я хотел лицезреть все. Хотел видеть, переживать их вместе с ней и провести с ней вечность.

А теперь не смогу.

Я тону в горе, а гниль начинает изливаться в землю. Арго воет. Мое сердце бьется с трудом.

Я смотрю на скопление ветвей изогнутых деревьев, растущих в этой трясине, а сердце разносит по моему телу яд, который меня убивает.

Я задыхаюсь, когда он проникает в легкие и отравляет мне вдох.

Теперь сердце так раздулось, что кажется, будто оно камнем лежит у меня на груди и приподнимается, как сгорбленное существо, готовое вырваться на волю.

Но я еще пытаюсь мужаться.

Потому что всегда буду сражаться за нее, покуда я жив.

Тело дрожит, руки немеют, боль всеобъемлющая, но я заставляю себя двигаться, потому как сдаваться не намерен. Я не намерен давать слабинку.

Если это тот самый миг, когда я умру, то умирать я буду, сражаясь ради нее.

Пока моя грудь наполнена воздухом, а в груди бьется сердце, я буду бороться всем своим естеством ради Аурен.

Я решительно рычу, и от моего громкого возгласа стайка птиц вспархивает с деревьев.

В отчаянной попытке я поворачиваюсь. Поджимаю колени. Поднимаю руки и пытаюсь дотянуться до ремня на шее Арго. Это битва не на жизнь, а на смерть.

«Не сдавайся. Не падай духом.

Борись ради нее».

Я подтягиваюсь, чувствуя, как кружится голова. Перед глазами все расплывается, ноги вот-вот подкосятся. Но я стискиваю ремень и встаю, будь я проклят.

– Аурен. Нужно... добраться... до нее, – стиснув зубы, исторгаю я.

Арго, повернув голову, смотрит на меня и тихонько скулит. Но в моем голосе слышна непоколебимая настойчивость и решимость.

– Я ее найду. Проклятье, я доберусь до нее...

Боль в груди становится невыносимой, и я осторожно вдыхаю, отчего в легких гудит, дав понять, что этот вдох может быть последним.

Я больше не могу вдохнуть. Пытаюсь, но не могу.

Меня охватывает паника. Я округляю глаза, вращаю ими, когда взор устилают черные точки. Сердце вот-вот лопнет от мучительной боли, и я понимаю, что мои усилия – ничто, ведь это конец...

А потом все меняется.

Меня вдруг кое-что настигает. Не боль, не смерть. А она.

Что-то меняется. Смерть замирает.

Я делаю вдох, ощущая Аурен в своем дыхании.

Словно она стоит здесь, рядом со мной. Нет... даже больше.

Словно...

Воздух наполняется ее ароматом. Я ощущаю ее вкус на кончике языка. Чувствую, как ее тепло поглощает меня, будто пламя, истребляющее лес. Оно начинает пожирать все ядовитые линии и гнилые корни, которые еще меня отравляют.

Ее огонь, ее солнце горят ярким пламенем. Проникают в каждую трещинку, сжигая оскверненную кровь. Обволакивают мое почти разорвавшееся сердце, и я чувствую, как она хватается за меня своим естеством. Окутывает своим светом.

А потом что-то в глубине меня неожиданно... вступает в противоречие.

Слейд

Я задышаюсь.

Я чувствую ее запах.

Ее тепло.

Оно поглощает меня.

У меня подгибаются колени.

Гнилое сердце внезапно разбухает.

Разрывается.

Что-то меняется.

Мои два облика... они сливаются воедино.

И на свободу вырывается что-то еще.

По груди расплзается чешуя, она вырывается из моего умирающего, как я думал, сердца.

В ушах стоит рев. Души переплетаются.

Моя аура пульсирует.

Меняется.

Я чувствую ее.

Аурен

Я задыхаюсь.

Дышу.

Воздух Эннвина.

Воздух Ореи.

Я отступаю назад.

Зверь и семя вырываются наружу.

Сливаются.

Спину обдаёт жаром. Гниль проникает глубже. Не со смертью, а с возрождением.

Жизнь вырывается на свободу.

Две души тянутся друг к другу. Сливаются. Я слышу два биения сердца.

Вместе с общей песней.

Моя аура вспыхивает.

Меняется.

Я чувствую его.

Глава 3

Слейд

Я знаю, что со мной.

Не совсем ясно откуда, но врожденное понимание сливается с моим хрупким восприятием.

Я стою на коленях и тяжело дышу, дрожа всем телом, пока древняя магия проникает в меня. Эта магия родилась, когда в Эннвине появилось первое живое существо. Редкая сила, возжеленная и почитаемая.

Это слияние уз истинной пары.

Как только осознаю это, все мое тело вспыхивает. На коже, словно дым, оседают черные завитки, пронизанные золотистыми лучами, которые сияют на фоне чернильной тьмы и льются струящимися потоками.

Я смотрю на свои руки и вижу, как из меня вырываются чернота и золото, будто пар из горячего источника.

Это наши ауры. Моя и ее ауры слились воедино.

Магия пары покрывается рябью. Я чувствую ее внутри себя, словно кто-то полностью заменил мою сущность сущностью Аурен.

Отныне наши души связаны. Наши жизни объединены навеки. Наша магия переплетена.

А значит, мы с ней – пара, предопределенная богинями. Значит, что мы получили величайший дар, который выпадал лишь фейри.

Значит, она моя.

Меня вместе с магией переполняет восторг. Опешив, я могу лишь стоять на коленях на грязной земле.

Я чувствую, как меня охватывает ее магия, как ноги наполняются теплом. Гниль оседает в землю, но черные корни пронизаны золотыми потоками, похожими на блестящие ленты.

Эта сила, простирающаяся над землей, проникает и сквозь меня. Я чувствую, как она просачивается вглубь и устремляется в грудь.

Я чувствую ее жар. Ее свет.

Я опускаю взгляд на порванную рубаху, на свое разбухшее сердце. Скрежешу зубами от нарастающего жара, по лицу струится пот. Это тепло почти невыносимо, и все же кажется, что оно испепеляет все дурное, будто прижигая рану.

Кожа над выпуклостью начинает зудеть, да с такой силой, что меня передергивает. Подняв дрожащую руку, я кладу ее на это место, но стоит прикоснуться кончиком пальца, как зуд усиливается. А потом кожа болезненно-коричневого цвета начинает отслаиваться и скручиваться, как горящий пергамент.

Но зуд не проходит. Ничуть.

Я вдавливаю палец, впиваюсь ногтем, отрывая частички отслоившейся кожи. Сдираю их все и бросаю, как отломанные кусочки хлеба. Быстро, лихорадочно продолжаю, ибо мне нужно унять это ощущение. Я наблюдаю, как отслаивается каждый кусочек, обнажая слой светло-коричневого цвета, но в груди продолжает пылать.

Я снимаю последний слой, прошипев, и кожа наконец перестает чесаться. Выпуклость исчезла, и я смотрю на это место, тяжело дыша.

Теперь я не вижу гнилого черно-зеленого сердца, но вместо него выросло кое-что иное.

Ровно над моим сердцем располагается чешуя.

Золотая чешуя.

Я охаю, но протягиваю руку, чтобы прикоснуться к ней. И в миг, когда дотрагиваюсь кончиком пальца, я взрываюсь.

Взрывается не мое сердце, а я сам.

Яростным потоком из меня вырываются шипы и чешуя, и меня отбрасывает назад. Шипы покрывают мои предплечья, спину, надбровные дуги. Я кричу, когда они прорывают кожу так быстро, что из ран хлещет кровь.

Бесчисленные гнилые вены начинают неистово извиваться, как уползающие змеи, и следом вырываются мои фейские клыки. Я чувствую, как на скулах появляется кровь, когда их покрывает чешуя, как щиплет уши, когда заостряются кончики.

Я помню ощущения, когда меня впервые разорвало надвое. Когда вынудили сражаться с отцом той грубой силой. Когда мир треснул по швам. Помню ощущения, когда точно такая же сила каким-то образом разорвала меня надвое.

Но теперь... теперь словно обе мои ипостаси снова резко соединились.

Я чувствую эйфорию. Агонию. В душу словно втыкаются иглы, пронизывая нитью все мое естество и связывая воедино.

Две половины становятся единым целым.

Но когда меня соединяют последним стежком... внезапно появляется что-то еще.

Из моего тела вырываются тени, и Арго кричит и отшатывается. И это не аура, а кое-что другое.

Пар мрачнее ночи, за исключением светлого кольца по краям, который явственно отличается золотом. Этот пар вырывается из меня, как дым, лишенный запаха.

Я пытаюсь двигаться, но меня захватывает этот порыв магии. Дым собирается и становится густым, лишая возможности дышать. Из груди вырывается все больше чешуек, отчего кажется, будто некий хищник впивается своими когтями в мою кожу и сдирает ее.

По лицу стекает пот, и я, подняв голову, вижу, как начинают сгущаться эти тени. Они срastaются.

Они вырываются из моего тела и падают на землю, отчего Арго пятится еще дальше.

Я пытаюсь сесть, чтобы осмотреться...

Дым обретает форму.

Я охаю. Он такой же высоты, что и я, от него идет густой пар. Поняв, какой он формы, я открываю рот и округляю глаза.

– Какого... черта.

Из клубящейся тьмы на меня смотрит лицо. Лицо, олицетворяющее силу и порочность. Лицо, которого в Эннвине не видывали сотни лет.

Дракон.

Клятый дракон.

На его теле те же изогнутые черные шипы, что и на моем. По четыре на каждом предплечье, шесть на спине, ряд шипов над каждым глазом – все в точности как у меня.

Дракон образовался из призрачного дыма, который вырвался из моего тела, но зубы у него вполне себе острые и осязаемые, поэтому могут укусить. Черный взгляд ясный и внимательный, как у охотника.

На посеребренных щеках у этого существа красуется золотистая чешуя, а на груди она больше напоминает позолоченные доспехи. Каждая чешуйка размером с мою ладонь, ярче бликов вокруг моих теней, поэтому кажется, что дымчатое существо мерцает в темноте. Оно словно порождение ночного кошмара. То, чего попросту не может быть на самом деле.

Но оно существует.

Дракон поворачивается ко мне, моргая радужными глазами, и от его взгляда кровь стынет. Я открываю рот, чувствуя, как ползет холодок по спине, когда существо открывает пасть, сверкнув угольно-черными клыками.

Но оно исчезает столь же быстро, сколь и появилось. Словно кто-то сдул облако пыли. Его очертания и магия меркнут в мгновение ока.

И я меркну вместе с ним.

Последнее, что вижу, – как Арго взмывает над моей головой и птицы срываются с деревьев и устремляются в небо. Я оседаю на землю и закрываю глаза, покоровшись темноте.

Но чувствую, как в этой темноте продолжает пылать огонь Аурен.

Глава 4

В моем сознании кто-то кусается, копается, корчится.

Я хочу избавиться от этого ощущения. Я хочу избавиться от всего.

Кожа покрывается потом, и я чувствую, как обмякаю, но меня подхватывают чьи-то руки. В ушах звенит... но звон словно доносится издалека. Я чувствую, как исчезаю.

Что происходит?..

Я не знаю. В голове ни одной ясной мысли, ни одного четкого воспоминания, за которые я могла бы уцепиться. Все словно унесло ветром.

– Аурен!

Потерянная, обескураженная и неспособная стоять на ногах, я недоуменно моргаю. Какой-то мужчина кричит, глядя на меня. Загорелая кожа, черные волосы, карие глаза, рана на руке. Он как будто обезумел и напуган до смерти.

Что случилось?

Меня переполняет паника, хотя я не понимаю причины. Голова раскалывается. От резких ударов щиплет глаза.

– Оставь ее! – кричит мужчина и бросается вперед, а потом делает выдох, и выдыхаемый воздух как будто мерцает...

Его ударяют мечом в висок, и он тут же падает без чувств.

Еще кто-то кричит:

– Вик!

Я смотрю на женщину, которая, покачиваясь, идет к упавшему мужчине, царапает ему руку. На его ране что-то переливается.

Так странно. Там как будто блеснуло золото... но нет, его рана ярко-красная от крови.

В мой разум словно кто-то проникает, и я дрожу всем телом.

Кто-то в доспехах оттаскивает женщину от мужчины и ставит ее на колени.

Солдат?

Неправильно... все это кажется неправильным...

Солдат дергает ее за волосы с оранжевыми кончиками и оголяет ее шею. Я пытаюсь встать, но меня тянут за руку, и я кричу от подрывающей силы боли.

Почему так больно?

– Вульминская мерзость, – выплевывает кто-то.

Я моргаю сквозь слезы, застилающие глаза. Над женщиной, стоящей на коленях, возвышается мужчина с короной на голове.

Желудок скручивает так сильно, что я уже почти не могу дышать.

– Ты предала свой род, – со злобой гаркает он, и ее начинает трясти. – Ты не достойна называть себя фейри.

Он кивает, и кто-то на мгновение закрывает мне обзор. Все происходит так быстро, что я ничего не вижу, пока все не заканчивается.

Пока она не начинает кричать.

В руке у солдата кинжал, с которого теперь капает кровь. Женщина рыдает, ее руки заложены за спину, но у ее уха... верхний кончик теперь отсутствует, а из окровавленной мочки свисает цепочка.

– Эмони! – кричит мужчина с бело-голубыми волосами позади нее и пытается добраться до женщины, оттолкнув другого вооруженного солдата.

Вот он хотел добраться до нее, а вот – из его груди торчит меч. Он смотрит на него, словно удивлен. Мужчина переводит на меня взгляд ярко-бирюзовых глаз, а потом падает.

И не встает.

Кровь хлещет рекой, стекая на землю.

Снова крики.

Я во сне.

Или в кошмаре?

Этот ужас такой заразительный, что я осматриваюсь. На земле лежат еще тела. Они залиты кровью и не двигаются.

В мыслях всплывает слово.

Мертвы.

Вот что с ними произошло. Они мертвы.

Желудок раздувает от желчи.

А потом троих уволакивают. Мужчину без сознания, рыдающую женщину, мертвеца, чьи бирюзовые глаза уже не увидят свет и чья алая кровь продолжает стекать на землю.

Куда их уносят?

Я пытаюсь превозмочь боль, чтобы проснуться.

Мне нужно проснуться.

Но мне зажимают уши, впиваясь острыми ногтями в кожу. Хотя через мою голову, через череп проходят более глубокие раны.

Дыры.

От этого злобного копошения осталось так много дыр, что боль в висках становится сильнее.

Что со мной?

Я пытаюсь встряхнуть головой, чтобы в ней прояснилось. Но не могу ни за что ухватиться, кроме тумана. От этого рытья в ушах звенит, и я вздрагиваю.

Мне нужно это прекратить.

Тело дергается так сильно, что мне удастся оторвать руки от ушей, удастся вырваться из хватки того, кто держит меня.

В воздухе разносится рык, и я с запозданием понимаю, что он доносится из моих уст.

А потом с рук соскальзывает что-то мокрое, и я смотрю, как по земле разливается жидкое золото. В нем извиваются тоненькие черные корни. Я не свожу с них взгляда.

Либо он двигается очень быстро, либо я медленно соображаю, потому что внезапно передо мной оказывается тот мужчина с короной и приставляет к горлу что-то острое.

Перед глазами вспыхивает образ другого мужчины с короной... другой клинок... боль в горле, когда меня удерживают.

Голова кружится.

За мной кто-то стоит. Он прикасается к моей шее. Я слышу его возглас – может, в удивлении? Начинаю поворачивать голову, но он так же быстро убирает руку, и я снова отвлекаюсь на мужчину в короне.

– Я должен убить тебя, отребье Терли, и покончить с этим, – шипит он, испепеляя меня взглядом.

В сознании снова появляются дыры.

Должна ли я испугаться, когда его острое лезвие коснется моей уязвимой плоти? Должна ли обеспокоиться, когда почувствую, как по коже побегут струйки горячих капель?

Я не знаю, что думать. Не знаю, что чувствовать. В моей голове должно быть что-то прочное, за что я могла бы ухватиться, но это просто... сито, через которое все просачивается наружу. Прошлое и настоящее.

Это происходит здесь? Тогда? Сейчас? Никогда?

Почему я не могу проснуться?

Из-за моей спины выходит еще один мужчина и встает сбоку. Его правый глаз закрыт повязкой, а горло прикрыто красной тканью, но кровоточит только моя шея.

– Взгляните на нее, Ваше Величество, – спокойно произносит он. – Позолоченная Терли. Все с первого взгляда поймут, кто она. Она – символ, о котором так много болтали мятежники.

– Значит, я перережу ей горло здесь и сейчас!

Одноглазый мужчина качает головой, хотя острие вбивается мне в горло, как осиное жало. Еще немного капель. Они стекают мне за ворот, мешая глотнуть.

– Король Кэррик, посмотрите, какой силой вы могли бы обладать, владея ею. Вы можете раз и навсегда покончить с мятежниками через нее. Не выдавайте им мученицу, покажите им посмешище.

Острие, приставленное к моей шее, перестает вбиваться.

Замирает.

Я поднимаю отяжелевшие веки и смотрю на человека с клинком. Он тоже смотрит на меня твердым, как камень, взглядом. Он непоколебим. Корона на его голове напоминает валун, который вот-вот свалится и раздавит меня своим весом.

– Посмешище... – повторяет он.

– Да, Ваше Величество. Выставьте ее на всеобщее обозрение. С помощью магии памяти устройте с этой Терли спектакль. Сделайте ее предметом насмешки, а не так называемым символом надежды. Заставьте ее встать перед вами на колени и покажите всем, что она предательница. Так вы подавите мятеж. Без нее Вульмину не за что будет сражаться. Вы остановите восстание. Не избавляйтесь от нее раньше времени – воспользуйтесь ею. И тогда вы обретете еще больше могущества.

«Воспользуйтесь ею».

Эти слова эхом отдаются в моей опустевшей голове не только *его* голосом, но и многими другими. Множество голосов повторяют эти слова.

«Воспользуйтесь ею, воспользуйтесь, воспользуйтесь».

Острое лезвие отводят от моего горла. Но у уха я чувствую чью-то руку. Его касается что-то холодное и скользкое.

Я покачиваюсь и склоняю голову, не в силах ее удержать.

Мужчина с короной на голове – король Кэррик – смотрит на меня сверху вниз, и на его темно-сером лице появляется ухмылка. Его кожа выглядит очень твердой. Золото под его ногами превращается в застывшие лужицы. В этом блеске я вижу отражение одноглазого мужчины.

– Живой она гораздо ценнее для вас. Только взгляните на одну эту магию.
Они смотрят на золото, которое льется из моих рук и растекается по земле.
Мое отражение выглядит искаженным. Я не могу себя разглядеть.

– Она же податлива, Ваше Величество. Так куйте из нее все, что хотите.
Из уголка глаза что-то капает и брызгами оседает на моей рубахе. Не знаю почему.
Боль в теле, пустота в голове – все это одерживает победу над смятением и силами.

А я?

Я обмякаю. Куда-то погружаюсь.

Потому что именно так ощущаешь себя, когда падаешь в пористую безграничную темноту.

И все же... где-то в этом мраке я вижу черные прожилки, которые не поддаются, а расползаются в стороны.

Глава 5

Я моргаю.

Пристально смотрю.

Руки лежат на коленях. Босыми ногами стою на холодном каменном полу. Я опираюсь на шершавую стену и смотрю в единственное окно с зеленым витражом. Это самая красивая деталь здесь, но и она закрыта прутьями.

– Ты меня слышала? – раздается женский голос.

Я поднимаю голову.

С трудом.

«Ты меня слышала?»

Вопрос разносится эхом, но не по комнате, а у меня в голове.

– Да.

Уна, женщина, находящаяся со мной в комнате, склоняет голову. Волосы у нее растут пучками. Они разделены на идеальные симметричные квадраты, отчего ее голова напоминает шахматную доску. На загорелой коже – голубоватые веснушки. Брови – две коричневые плоские линии такого же цвета, что и волосы.

Странная прическа, веснушки, линии вместо бровей. Ее внешность поражает воображение.

Но больше всего тревожат ее глаза. Радужку разрезают синие полосы. В точности как решетки на моем окне.

Она мне не нравится.

Когда она приходит, то говорит, что исцеляет меня. Но, думаю, она лжет.

– Что я сказала?

С превеликим усилием я сосредотачиваю на ней взор. Она сидит на табурете перед моей кроватью, склонившись ко мне.

Всегда слишком близко.

– Ты сказала, что я верна королю Кэррику.

Она кивает:

– Все верно.

В руке, в ребрах появляется отголосок боли, словно напоминая о сломанных костях и ушибах. О давних травмах. Когда я дышу или двигаюсь, то каждый раз ожидаю боли, но она не наступает.

– Ты была предательницей, но переменяла свои взгляды. Ты обязана королю жизнью. Ты верна ему, не так ли? И готова проявить себя?

Я чуть не вздрагиваю от резкости в ее голосе.

– Да.

Мой голос уплощается. Становится сдавленным. Словно каждое слово запихивают в эту тесную подземную камеру.

– Ты помнишь, как была предательницей? Помнишь, как сдалась и молила своего короля о пощаде?

«Умоляла?»

Чувствуя, как брови сходятся на переносице, я пытаюсь разобраться в своих мыслях, но в них слишком много прорех. Я все продолжаю и продолжаю спотыкаться о них.

Я опускаю взгляд на браслет на лодыжке. Ноги у меня босые и грязные, а браслет гладкий и тускло-серый. Его поверхность похожа на грязь за стеклом. От его вида у меня чешется кожа, и я чувствую, как он давит на меня своим огромным весом.

«Я молила о пощаде?»

Уна нетерпеливо поджимает губы на вопрос, который я пробормотала вслух.

– Разумеется, молила. Ты предательница, и, если хочешь жить, ты должна стараться.

– Да.

Я должна стараться.

– Сосредоточь помыслы на том, как милосерден король Кэррик. Как сильно ты хочешь умиловить его, – приказывает она.

Как сильно я хочу умиловить его...

В комнате раздается эхо, похожее на звон колокола. И этот звук доносится откуда-то очень далеко.

Я смотрю на окно. Этот цвет притягивает мой взор.

Темно-зеленый меня успокаивает.

Уна бурчит:

– Нужно стараться лучше, не правда ли?

Я киваю, ощущая, какой тяжелой стала моя голова. Язык недвижим, как кирпич, но мне удается произнести:

– Да.

– Да, – повторяет она. – Не бойся. Я очень хороша в своем деле. И добьюсь своего.

Она придвигает табурет ближе и поднимает руки. Я напрягаюсь.

– Нет, пожалуйста...

Не обращая внимания на мою просьбу, Уна зажимает мои уши ладонями, и я вздрагиваю, чувствуя, как внутри тоже все трепещет. Я выпрямляю спину, ощущая скованность. Я почти обездвижена.

– Повторяй за мной.

Мой взгляд попадает в сеть ее полосатых глаз.

– Я была предательницей.

Я шевелю губами вслед за ней.

Она роет глубже, и в этих прорехах я вижу себя. Вижу, как падаю к ногам короля, молю о пощаде, говорю, как ошибалась, пока в лавандовом небе вспыхивает молния.

Нет... не молния. Трещина. В потолке. В стене. Дом *рушится*...

Там был раскат грома, но он разносился как крик.

Я закрываю глаза, чувствуя, как в темных пустых глубинах моего сознания что-то извивается, пытаюсь выбраться из пустот.

– Сосредоточься! – гаркает Уна.

Меня утягивает за собой ее голос, но что-то другое просачивается наружу.

– Повторяй за мной, – снова приказывает она с тягучей интонацией.

В голове что-то вспыхивает, прекратив извиваться, и я вижу, как преклоняюсь перед королем. Воспоминания надвигаются, напирают, пытаюсь заполнить пустоты.

– Я была предательницей.

Мой голос сливается с ее, глаза открываются.

– Я сдалась.

Уна глубже впивается ногтями в мою голову.

– Король Кэррик милосерден. Он позволит мне жить, если я искуплю свою вину.

Мои губы выговаривают каждое слово. Монотонно. Заполняя каждое доступное пространство, проглатывая его, почти разрывая. Насильно вбиваясь в мое изрешеченное сознание.

– Я верна.

Верна.

– Я обязана ему за его великодушие.

Обязана.

Она впивается в меня взглядом полосатых глаз, вонзает ногти в ухо, отчего кажется, будто в мое сознание вгрызаются черви. Заполняет пустоты грязью, которой там будто не место.

– Мне повезло находиться здесь.

Повезло.

Это слово оседает на капающем потолке, застревая в трещинах.

Повезло?

– Да, очень повезло. Большинство предателей убито. Ты согласилась быть полезной королю и выполнять каждую его просьбу.

Я снова киваю, хотя не могу вынырнуть из мрака.

Уна убирает руку с моего уха. Копание прекращается. Дрожь утихает. Мышцы медленно расслабляются.

– Ты помнишь?

Я открываю рот, но снова закрываю. Уна хмурится сильнее.

– Ты помнишь? – напирает она.

Я снова смотрю на то зеленое окно. Обращаюсь к цветку. Он напоминает мне летнюю траву. Тенистый лес. Или...

Внезапно меня переполняет море непреодолимого горя, волны такие высокие, что противостоять им невозможно. Накатывают скорбь и подспудная тревога. Я лихорадочно смотрю на Уну, а потом хватаю за руку.

– Я должна что-то сделать. – Впиваюсь пальцами в ее кожу. Сжимаю в отчаянии. – Я должна была что-то сделать!

Когда она просто смотрит на меня, я пытаюсь спрыгнуть с кровати, но Уна останавливает меня рукой.

– Да. Ты должна проявить себя. Ты должна служить своему королю.

– Но...

Она прищуривается, и между ее бровями пролегает еще одна линия.

– Только это ты и должна, – строго говорит она. – Угождать королю.

Я отчаянно качаю головой, а сердце бешено бьется в груди.

– Нет, нет, нет. Я должна была сделать что-то другое. Кто-то... там кто-то есть... Я... я не могу...

Уна дает мне пощечину.

С силой.

От удара в щеке вспыхивает боль, и я замираю.

– Перестань сопротивляться! Сдавайся! – бешено вращая глазами, кричит она.

Я в шоке смотрю на нее, ощущая, как путаются мысли, как меня охватывает смятение.

Было же что-то...

Уна яростно сжимает мои уши, да так сильно, что я начинаю волноваться, не раздавит ли она мне череп. Пытаюсь вырваться, но она не отпускает.

На сей раз я чувствую, как в моем сознании копошится рой насекомых. Что-то извивается, скользит, прогрызает себе путь. Я слабею. Оседаю, как умирающая лоза, пока меня сносит волной.

Я чувствую себя зараженной.

Не знаю, когда закрыла глаза, но, когда снова их открываю, Уна убирает руки, обхватывает ими мое лицо и заставляет посмотреть на нее. Прикосновения холодят. Она словно погрузила руки в сугроб.

Я парю. Интересно, смогу ли я проплыть мимо решеток в ее глазах? А сквозь те, что на окне?

Решетки? Зачем здесь решетки?

– Ты Аурен Терли.

Да. По-моему, это верно.

И это единственное, что кажется верным.

– Я Аурен Терли.

– Ты будешь служить королю.

Это тоже должно быть верным.

– Я буду служить королю.

Она опускает руки и вздыхает.

А потом смотрит на меня взглядом, полным раздражения и жалости, но я замечаю темные круги у нее под глазами.

– Спи, Аурен.

Отдых лучше всего, когда сон крепкий...

Пустоты в голове сотрясаются.

Она уходит, а я смотрю, как со скрежетом закрывается тяжелая каменная дверь. Слышу, как щелкает замок.

С опустевшей головой я сонно забираюсь обратно на кровать, подтягиваю колени к груди и обхватываю их руками. Прислоняюсь затылком к стене и судорожно выдыхаю.

Взгляд то и дело возвращается к окну.

Кажется, этот цвет я видела во сне. Или, может, я сплю, и потому все вокруг кажется таким странным. Таким... плоским. Словно чего-то не хватает.

Здесь не хватает всего.

Сквозь цветное стекло я вижу далекий отблеск звезды. Единственную искорку света во всей этой тьме.

– Я что-то должна была сделать, – шепчу я этой искорке.

Но она не отвечает.

– Было что-то...

Хотела бы я вспомнить.

– Может, все это сон.

Да. Это сон, поэтому я просто должна заставить себя проснуться.

Откуда-то мне шепчет голос: *«В тебе есть свой собственный свет, маленькое солнышко. Потому ты должна хранить его до тех пор, пока не стемнеет».*

Хочется плакать, потому что теперь очень-очень темно.

От печали в глазах становится мокро, и одна капля скатывается по щеке. А та звезда, на которую я смотрела, исчезает в ночи, как и моя слеза. Не оставляет после себя ничего, кроме темноты.

Я закрываю глаза и беззвучно шевелю губами слова, которые сами по себе рождаются на языке. Их слышит лишь одно небо.

*Когда слезы напоминают звездопад, когда мрак подобен ночи,
Мы вспоминаем восход, который вернет нам свет.*

Когда я снова открываю глаза, взгляд мой становится уверенным. Непокколебимым. Я делаю вдох и выдох. Этот зеленый цвет меня успокаивает.

Я моргаю, стряхивая влагу, и смотрю на пустое место, где упала звезда, и что-то там меня манит.

Я переполняюсь решимостью. Спина становится жестче.

Эта пустота в небе, эта пустота у меня в голове... они не повергнут меня. Я не позволю.

Возможно, я еще не все знаю, но в этой истине я твердо уверена.

Меня зовут Аурен Терли.

И я сильнее тьмы.

Глава 6

Рисса

Водя расческой по волосам, я распутываю колтун за колтуном. Понадобилось довольно много времени, чтобы расчесать их после мытья. Рука ноет, но когда я наконец распутываю последний колтун, то с облегчением вздыхаю.

Я смотрю в зеркало на туалетном столике, поворачиваю голову влево-вправо, вглядываясь в свое отражение. И зеркало, и стол простые, дерево выкрашено в черный цвет, как и остальная мебель в комнате. Оттого кажется, что все здесь окутано тенью.

К слову, о тени...

Я перевожу взгляд на темную фигуру, внезапно вошедшую в комнату. Сердце екает, но бессмысленно обманывать себя и убеждать, что он меня напугал. Нет, сердце у меня не на месте с тех пор, как я очнулась, и екает так каждый раз, когда я смотрю на него.

Это жутко бесит.

Отложив расческу, я смотрю на него с упреком через отражение в зеркале.

– Что, стучать не научился?

– Нет, – бурчит он.

Этот дуболом вламывается в комнату и громко хлопает дверью.

Я морщусь, видя, что он направляется ко мне.

– Великие боги, ты всегда так громко топаешь?

Озрик замирает и смотрит на ноги, обутые в сапоги, так, словно хочет адресовать этот вопрос им.

– Нормально я хожу, – передернув плечом, отвечает он.

– Да под тобой пол проломится, – огрызаюсь я.

Озрик смотрит на меня, и как бы я ни пыталась, не могу отвести взор от его карих глаз. Я пленена им, как насекомое ловушкой, и надежды на спасение нет.

Неужели я навсегда застряну в этой западне?

С той поры, как я пришла в себя, Озрик сильно напряжен. Сомнений нет: что-то переменялось. Словно мы читали одну книгу, но он опередил меня и закончил раньше. Кажется, будто он ждет, когда я его нагоню, смотрит, как я переворачиваю каждую страничку, как читаю слово за словом.

– Не думала, что ты умеешь читать, – бормочу под нос.

– Что?

– Ничего. – Я прочищаю горло. – Еще раз повторю на будущее: стучи. Нельзя вот так врываться в мои личные покои, когда тебе вздумается.

Тем более когда он так выглядит. Озрик мужественный и угрюмый и, кажется, только-только закончил тренировку с солдатами, а потом проехался на лошади и срубил дерево.

Перед глазами так и стоит этот образ Озрика, отчего в животе появляется трепет.

Интересно, а он умеет рубить деревья? Может, как-нибудь подойти к окну и посмотреть...

– Да, я умею, – резко отвечает он, а потом опускает сундук, который я сперва не заметила у него в руках. Он с глухим стуком приземляется у ног Озрика, отчего медные ручки громко звенят. – Одежда для тебя.

Я всячески силюсь не смотреть на то, как перекачиваются мышцы его обнаженных рук в прорезях на рукавах.

– Спасибо, но нет, ты не можешь...

Я не успеваю закончить, потому как Озрик наклоняется и разворачивает мой стул так, что мы оказываемся лицом к лицу. У меня перехватывает дыхание, и я снова теряюсь в этих глазах.

– Да, могу.

Нас разделяет всего пара сантиметров, но он смотрит на меня так, что кажется еще ближе. Так, словно пробирается мне в душу.

Так и есть.

Я в этом ни за что не признаюсь.

Но мне поведали, что он каждый день сидел у моей постели, каждую минуту. Озрик был так предан мне, что почти не спал и не ел. Столь неусыпная забота явно говорит не о простом влечении.

Ведь так?

Лицо у него становится мрачным, а голос – тише:

– Ты чуть не умерла, Желтый колокольчик. Еще несколько часов назад я, черт, прощался с тобой.

От чувств, которых я не могу излить, от которых не в силах избавиться, в горле встает ком размером с кулак Озрика.

Когда я открыла глаза, лежа на смертном одре, Озрик смотрел на меня как на призрака. Как на подарок судьбы. А потом он прижался лицом к моим волосам, обхватил руками и пробудил во мне чувства, которых прежде я не испытывала.

Ощущение безопасности.

А это смешно, ведь до того, как ожить, я умирала.

Мыслями я все время возвращаюсь к Аурен, потому что не знаю, в безопасности ли она. Озрик рассказал, что случилось после того, как меня ранили. Как ее забрали, как король Рот отправился ее спасать. И теперь она, видимо, в другом мире.

А еще она – фейри.

Признаюсь, я не совсем ему верю. Хотя я видела, как она пользуется той золотой магией. В ней точно есть что-то из иного мира.

Проснувшись, я чувствовала, будто нахожусь во сне. Будто все это не по-настоящему. Я еще пытаюсь во всем разобраться, пытаюсь свыкнуться с этой новой обыденностью. Мир словно переменялся с той ночи, когда на меня напали.

В голове вспыхивает воспоминание о клинке, который вонзили мне в грудь, и я невольно вздрагиваю от этой фантомной боли.

Озрик опускает взгляд на мою грудь, но не по той причине, по которой туда смотрят мужчины. Он смотрит на часть шрама, виднеющегося из-под ночной рубахи. Я тоже опускаю взгляд, проводя пальцем по зажившему порезу. Он еще побаливает, а в груди немного ноет, но в остальном я чувствую себя хорошо.

Во всяком случае, телом.

А вот мысли и чувства перемешались. И причина тому стоит прямо передо мной. Нужно прекратить сию же секунду, пока он еще сильнее не заморочил мне голову.

– Я не умерла, – говорю я ему, словно оправдываясь. – Так что перестань.

Озрик смотрит мне в глаза и наклоняет голову.

– Что именно я должен перестать?

Я показываю рукой между нами.

– Я прекрасно понимаю, что сейчас происходит. Ты чувствуешь себя виноватым. Поэтому днем и ночью не отходил от моей кровати. Чувствуешь вину за то, что на меня напали, ведь ты капитан армии и отвечаешь за безопасность в замке, а я получила ранение. Но я снижаю с тебя бремя вины, – стараюсь я говорить ровным тоном. Стараюсь, чтобы голос мой не дрожал. – Ты не виноват. Так что перестань трястись надо мной. Теперь я здорова благодаря той девочке, которая меня исцелила. Больше нет смысла за меня волноваться. Считай, что ты больше за меня не в ответе.

Он недовольно хмурится.

– В этой твоей небольшой речи прозвучало столько всякой дряни, что я даже не знаю, с чего начать.

Я отшатываюсь.

– Как это понимать?

Озрик вздыхает так, словно это я ненормальная. Мне интересно, с какими людьми он коротает время, если столь плохо оценивает чужое душевное состояние.

Одним плавным движением он подхватывает меня со стула и несет через всю комнату. От удивления мое сердце екает.

– Что ты делаешь? – недовольно спрашиваю я, обхватив его за шею и теребя длинные жесткие темно-каштановые волосы.

Он молча садится на диван в углу комнаты и располагает меня у себя на коленях. Мое сердце так громко стучит, что я чувствую рубец на зажившей ране.

Озрик держит меня очень нежно, что противоречит его грубой натуре. Теперь сердце у меня сжимается совсем по иной причине. Озрик так смотрит на меня, словно связал мой взгляд веревкой и теперь удерживает его в плену.

– Я понимаю, что сейчас все непросто, – говорит он, снова меня поразив. – Мы постоянно ругались и не успели наладить отношения, потому что на тебя напали и ты чуть не погибла, – последнее слово он выплевывает так, словно хочет растереть его в пыль. – Но, пока ты боролась за жизнь, не приходя в сознание, я успел все обдумать, черт подери. Я наблюдал за каждой минутой твоих страданий. Но сидел у твоей кровати не только из-за долбаного чувства вины. Хочешь знать, что я чувствовал?

– Что? – спрашиваю я, затаив дыхание, не в силах даже нагубить ему.

– Я был полностью опустошен мыслями, что могу тебя потерять, – отвечает он, и в его хриплом голосе слышна безраздельная искренность. – Что потеряю тебя, не успев сказать, как сильно люблю.

У меня перехватывает дыхание, и я смотрю на него круглыми глазами.

– Ты меня любишь?

Он замирает и внимательно смотрит мне в лицо, обволакивая его темным карим взглядом.

– Да, колокольчик Рисса, я чертовски сильно тебя люблю.

Мысли путаются, сердце пропускает удар.

– Но... мы едва друг друга знаем. Мы почти не проводили времени вместе, – поспешно говорю я и оглядываюсь так, словно вот-вот на пол посыплются еще отговорки, за которые я смогу зацепиться. – Мы же друг друга на дух не переносим!

Озрик ухмыляется.

– Нам нравится накал. Мы не идем друг другу на уступки, и нам это нравится. Так что не ври и не делай вид, что мы не выносим друг друга, потому что оба понимаем, что это не так.

Сердце стучит с такой силой, что кажется, будто в каждой венке порхает тысяча птиц, пытаясь взлететь.

– Ты чуть не умерла, – повторяет Озрик. – И я об этом никогда не забуду. Я не буду больше ни минуты тратить впустую и воспользуюсь вторым шансом. Рисса, мы больше не можем бороться с чувствами. Я заявляю на тебя права, как на свою женщину.

Я молча смотрю на него, открывая и закрывая рот, как рыба.

– Из ума выжил? Ты не можешь просто взять... и заявить на меня права! – верещу я.

– Я только что это сделал.

Я выпрямляюсь.

– Я независимая женщина. Я сама решаю, с кем мне быть.

– Ты решишь быть со мной.

Я скрежещу зубами.

– Самоуверенный сукин сын.

– И твой.

– Мой? – Я усмехаюсь и пытаюсь скинуть его руку со своей талии, но Озрик даже внимания не обращает, крепко держа меня у себя на коленях. – Ты будешь моим, пока однажды мы не поссоримся так серьезно, что ты разозлишься по-настоящему и свалишь, как важный армейский капитан, а я останусь ждать тебя. Ты же тем временем отправишься в ближайший бордель, чтобы найти себе наложницу на ночь.

Он мрачнеет.

– Нет, – рычит Озрик. – Я сказал, что заявляю на тебя права, и не кривлю душой. Думаешь, меня волнует, если ты будешь со мной спорить? Если разозлишь меня? Думаешь, я такой подонок, что назло пойду трахать другую?

– Так мужчины и поступают с женами, – огрызаюсь я. – Либо после ссоры, либо потому что им внезапно опостылела супруга, либо потому что они просто могут это сделать. Я знаю, ведь сама была наложницей в борделе. Я прекрасно знаю, что из себя представляют мужчины.

– То были слабаки. Ты считаешь меня слабаком?

Я опускаю взгляд на его мускулистые руки. Не понимаю, когда я начала хвататься за них, но знаю, что в его объятиях мне надежно. Безопасно. А еще знаю, что никто и никогда не посмел бы назвать его слабаком.

– Не знаю, что и думать, – признаюсь я, качая головой, словно пытаюсь прояснить мысли. Я хочу уцепиться за гнев, но он испаряется. – Я пришла в себя, а теперь все это...

Он поднимает руку и нежно убирает мне за ухо прядку волос, едва прикасаясь к коже, словно боится оцарапать. От этого жеста мне хочется плакать. Я смягчаюсь. А потом Озрик притягивает меня к себе и прижимает мою голову к своему плечу.

Даруя ощущение безопасности.

– Я знаю, Желтый колокольчик, – шепчет он.

От него пахнет кожей. И деревом. Грязью, потом и мускусом. Он пахнет как настоящий мужчина, и я думала, что мне будет противно, но после стольких лет вдыхания душистых ароматов намаженных аристократов теперь я предпочту естественный грубый запах Озрика.

– Мне страшно, – шепчу я, уткнувшись в его шею и впиваясь пальцами в кожу.

– И это я тоже знаю.

Из уголка глаза стекает слезинка и падает на его кожаную рубашку.

– Ты не можешь любить меня, – говорю я голосом, в котором так и сквозит отрицание.

– Могу.

Никаких возражений. Никаких подробностей. Просто клятва.

– На самом деле ты не хочешь быть со мной, – спорю я.

– Хочу.

– Но не будешь со мной всегда.

– Буду.

«Могу, хочу, буду».

Я слышу его обещания и отчаянно хочу им верить – верить *ему*. Озрик оказался не таким, каким я его представляла. Он не такой, каким я хотела его видеть. Но сердце щемит от одной только мысли, что его вдруг не окажется рядом. Что он больше меня не захочет. Мне становится дурно при мысли, что я уеду отсюда сейчас в какой-нибудь забытый уголок Ореи и буду жить одна. Мне этого не вынести.

Как я до такого дошла?

Я поднимаю голову, чтобы взглянуть на него, чтобы увидеть, есть ли в его глазах хотя бы толика обмана. Но ее там нет.

– Мы ошибка? – тихонько спрашиваю я.

Озрик не высмеивает меня. Не злится. Нет, он нежно гладит меня по спине.

– Повторю: ты лучшая ошибка, которую я хочу совершать. Снова и снова. Всю нашу оставшуюся жизнь. Так что скажешь?

В глазах щиплет, и это чувство проникает в грудь, укореняясь там.

Эмоции бурлят во мне, но ответ я знаю; я знаю, чего хочу, даже если не имею на то права. И все же что бы между нами ни произошло, пока я лежала на смертном одре, оно нас изменило, и я понимаю, что Озрик прав: я больше не могу бороться с чувствами.

И не хочу.

Я вздыхаю, а потом, протянув руку, хватаю его за бороду, дабы привлечь внимание и дать понять, что я говорю на полном серьезе.

– Не подведи меня, Озрик. Не смей, не вынуждай меня пожалеть об этом, – сурово произношу я, вглядываясь в его карие глаза, как и он в мои.

У него подергивается уголок рта.

– Ты мне угрожаешь, Желтый колокольчик?

– Именно так.

Я отпускаю бороду, и Озрик обхватывает ладонями мое лицо.

– Хорошо, – говорит он. – Потому вдвоем мы победим все, что может попытаться нас разлучить. Даже самих себя.

Я глотаю подступивший к горлу ком от его клятвы.

– Ты не подведешь меня? – не отступаю я.

– Никогда, Рисса, – непреклонно заявляет он. – Никогда и ни за что я не заставлю тебя пожалеть об этом решении.

От силы его обещания у меня перехватывает дыхание. Я киваю, часто дыша.

– Тогда ладно.

Он приподнимает бровь.

– И это все? Просто «тогда ладно»?

Я прищуриваюсь.

– Разве это не соответствует вашим стандартам, капитан? Хотели бы услышать от меня что-то более приятное? Может, еще попросите сделать массаж ног или станцевать вокруг вас в одной нижней рубашке?

– А вот это уже приятная картинка, – говорит он, и я поджимаю губы. – Но нет.

– Нет?

– Говори, ведай себя и чувствуй все, что захочешь, черт возьми.

Такого мне не говорил еще ни один мужчина. Они всегда приказывали делать то, надевать это, велели потакать любой прихоти клиента. У королевской наложницы нет права на ошибку. Нет права на промах. Я должна быть в форме, а иначе я выбываю.

– Это нормально, – бормочет Озрик. – Просто быть собой.

Хочется фыркнуть, но я борюсь с собой, потому что... возможно, я и правда могу быть собой. С ним все может быть по-другому. Поэтому я поддаюсь импульсивному желанию, наклоняюсь вперед и целую Озрика.

Потому что хотела это сделать с той самой минуты, как пришла в себя.

Мой поцелуй не застает его врасплох. Озрик словно все это время ждал поцелуя. Он раскрывает губы, и на удивление они мягкие. Я провожу языком по деревянному пирсингу в его нижней губе и ощущаю, как колетса его борода.

Одной рукой он обхватывает мой затылок, а другую кладет на спину, словно желая доказать, что всегда будет рядом.

Поцелуй с ним напоминает первый глоток теплого меда во время снежной бури. Озрик согревает меня изнутри, вынуждая желать еще одного глотка, еще одного прикосновения, пока я не изопью чашу полностью.

Он вынуждает меня желать пить его вечно.

– Колокольчик Рисса... – шепчет Озрик, слегка отстранившись, пока я пытаюсь потянуться к нему. – Я буду целовать тебя вечно, но ты еще несколько часов назад победила смерть и тебе нужно отдохнуть...

– Я не могу отдыхать, – качая головой, возражаю я. – И не хочу.

– А чего ты хочешь?

Вопрос повисает в воздухе, застывает между нами.

Чего я хочу?

На протяжении всей жизни я спрашивала себя об этом не раз.

Чего я хотела, будучи осиротевшей девочкой?

Я хотела есть. Чувствовать себя в безопасности. У меня был выбор: найти работу или выйти замуж, но последнего я не хотела. Особенно увидев, как замужество сказалось на моей матери. Одиночество, ссоры, а иногда и синяк под глазом.

Потому я стала наложницей. На большее я не была способна, а раз уж мне всегда твердили, что я красавица, то решила воспользоваться этой красотой.

Чего я хотела, будучи наложницей?

Хотела стать лучшей, самой желанной. Этого я добилась, а потом оказалась в более привилегированных борделях. Я проделала немалый путь из своего крошечного городка в столицу Шестого царства, где моя красота и навыки в постели помогли мне стать королевской наложницей.

Лучшей из лучших.

Чего я хотела потом?

Быть самой желанной. Получать высшую плату. Хотела, чтобы на меня равнялись или завидовали другие наложницы. Я добилась и этого, если не считать Аурен.

Я думала, что у меня есть все, чего хочу, потому что контролировала свою жизнь. Я использовала красоту и тело, чтобы улучшить свое положение. Пока однажды не посмотрела в

зеркало и не поняла, что больше ничего этого не желаю. Я не хотела угождать никому, кроме себя.

Я хотела покинуть королевство и сделала это благодаря Аурен. Благодаря этому громадному остолопу мне удалось вырваться из власти Мидаса.

Чего я хотела после?

Хотела уехать как можно дальше от холодных королевств. Хотела быть одной, богатой и шикарной. Хотела, чтобы вокруг не было ни одного мужчины, которого бы приходилось ублажать за деньги. Хотела жить в довольствии в каком-нибудь уединенном роскошном поместье, вдали от борделей.

– Чего ты хочешь, Рисса? – снова спрашивает Озрик.

Я качаю головой.

– Я думала, что знаю, но... теперь я хочу другого, – тихо признаюсь я.

В его глазах загорается интерес.

У меня перехватывает дыхание, скулы сводит от чувств, которые я пытаюсь подавить.

– Не заставляй меня произносить это.

Мне сложно справляться с эмоциями. Прежде мне не доводилось вести настоящие, искренние беседы с женщиной. Если Озрик заставит меня объясняться сейчас, получится хаос, а я не хочу этого, не хочу, чтобы мы были хаосом.

Он смотрит на меня так, словно читает мои мысли по взгляду.

– Ты не обязана говорить. Я все равно тебя слышу.

Я стискиваю зубы от прилива чувств и почти задыхаюсь, пытаюсь сдержать слезы в ответ на его идеальный ответ.

– Озрик? – шепчу я, и мой голос кажется совсем хрупким. Я никогда не позволяла себе чувствовать себя хрупкой в присутствии мужчины. Так небезопасно. Но не с ним.

– Да?

– Хочу, чтобы ты сделал для меня то, чего никто прежде не делал.

– Что это?

От смущения признание дается нелегко, но я произношу следующие слова, смотря Озрику в глаза:

– Я хочу... чтобы ты занялся со мной любовью.

Глава 7

Рисса

Темно-карие глаза Озрика блестят. Он несколько раз моргает, словно пытается сдержать проступившие слезы, и я вижу, как он сжимает челюсти, словно тоже хочет обуздать эмоции, но, похоже, и ему, и мне это плохо удастся.

Так приятно осознавать, что не только я это чувствую. Мы оба на ощупь бредем в темноте, стараясь найти путь, но хотя бы делаем это вместе.

Свой ответ он произносит грубым и низким голосом, но для мужчины, который утверждал, что не очень хорош в подборе слов, его ответ идеален:

– Почту за честь, колокольчик Рисса.

Глаза слезятся, но я шмыгаю носом и прочищаю горло.

– Моя фамилия – Каделл.

– Скоро твоя фамилия будет Ферокс, как моя.

Озрик порывисто встает, держа меня в руках, и я удивленно вскрикиваю, потому что не сразу вникаю в сказанное им.

– погоди-ка, я не выйду за тебя! – выпаливаю я, ошалело на него глядя.

– Нет, выйдешь.

Он осторожно кладет меня на кровать, но я сажусь, опираясь руками, и сверлю его взглядом.

– Я уж точно не стану твоей женой. Брак – это обман.

Стоя в изножье, Озрик ухмыляется.

– С чего это?

Он возмутительно хорош собой, но меня это не удерживает от возражений.

– Брак по закону привязывает женщину к мужчине. Отдает ему все права, а ей не предоставляет ничего. Брак дает мужчине респектабельность, больше свободы, в то время как права женщины становятся еще более ограниченными.

– Ладно, значит, мы не женимся, – пожав плечом, говорит Озрик, словно не услышал слова, которые большинство мужчин сочли бы кощунством.

– Вот как?

– Я дам тебе кольцо. Будем считать себя женатыми. Без всей этой чепухи. Только мы будем об этом знать. С этим ты сладишь?

Я чувствую неуверенность – не привыкла к такому наплыву эмоций. Шмыгнув носом, я вытираю уголок глаза и выпрямляюсь.

– Ладно. Думаю, меня это устроит.

В его глазах вспыхивает огонек.

– Да?

Сердце трепещет, но я невозмутимо продолжаю:

– Я обожаю украшения, а кольца очень хорошо смотрятся на моих руках. – Я протягиваю руку и шевелю пальцами.

Озрик перехватывает мою ладонь, переплетает свои крупные пальцы с моими, крепко их сжимая, а потом ставит на кровать колено. Наклоняется надо мной, и я задираю голову, чтобы взглянуть на него.

– Ты будешь носить мое кольцо, Желтый колокольчик?

Я неспешно киваю, и в животе становится жарко от голода, что появляется в глазах Озрика.

– Да, но, надеюсь, капитану Четвертого королевства хорошо платят, потому как вкус у меня очень дорогой.

Он смеется, и – о великие боги! – обожаю ощущение, когда от этого звука по спине пробегают мурашки.

– Ты получишь все, что пожелаешь, если я получу тебя.

Я глотаю ком в горле и чувствую, будто наполняюсь пузырьками, будто вот-вот воспарю над кроватью. Я тяну его за руку и кладу ее себе на талию.

– Прикоснись ко мне.

Его взгляд становится еще более пылким. Озрик поднимает руку и обхватывает мою грудь через одежду, и эти ощущения восхитительны.

– Ты уверена, что сладишь со мной? – тихо спрашивает он, продолжая массировать, мять и тискать мою плоть своими огромными руками.

– А ты уверен, что сладишь со мной? – парирую я, запрокинув голову и наслаждаясь его ласками.

Но я не говорю, что давно этим не занималась, а до Озрика была с царем Мидасом. То было трудовой повинностью. Всегда.

Из его груди вырывается смешок.

– Если бы не мог, мы бы тут не находились.

Он прав. Озрик – единственный в мире мужчина, который, как мне кажется, сможет со мной сладить.

Протянув руку, на мгновение я заставляю его ослабить хватку и медленно начинаю расстегивать пуговицы на ночной рубашке. Озрик опускает взгляд, восторженно смотря, как расходуется в стороны ткань. Я обнажаю грудь, и теперь она не скрыта от его жадного взгляда. Моя кожа слегка порозовела, и от каждого вдоха ткань натягивается, почти спадая с плеч.

Вместо того чтобы наброситься на меня, Озрик сжимает руки в кулак и продолжает наблюдать.

Поэтому я расстегиваю пуговицы до конца, вылезаю из рукавов, и ночная рубашка падает на кровать. Теперь я полностью обнажена перед ним. Взгляд Озрика скользит по моему телу, как вода по выжженной земле. Он впитывает каждый дюйм, отчего кожу под его взором начинает покалывать.

Так вот как ощущается настоящее влечение? Безо всяких условий? Это довольно... возбуждающе.

И весьма волнующе.

– Черт подери, ты великолепна.

В прошлом многие мужчины хвалили мою красоту, но из уст Озрика эти слова звучат иначе. Да и ощущения другие.

С душераздирающей нежностью он проводит большим пальцем по заживающему шраму, рассекшему мое сердце. Я вижу, как в его глазах мелькают тени, когда он вспоминает момент почти настигнувшей меня смерти, но я хватаю Озрика за подбородок, заставляя посмотреть мне в глаза.

– Я в порядке. Все зажило.

Хмыкнув в ответ на мои слова, он опускает пальцы на сосок. Кружит вокруг него, отчего тот напрягается в ответ на дарованное ему безраздельное внимание.

Озрик стонет, а потом наклоняется и целует меня в шею, обхватывая рукой грудь и водя ладонью по коже, покрывшейся мурашками.

– Проклятье, такая красивая и мягкая.

Я могу быть мягкой, но Озрик весь как скала. Его мозолистые руки, крепкие руки... и в особенности член, упирающийся в штаны. От этого вида я в предвкушении сжимаю бедра.

Наклонившись вперед, я рывком развязываю тесемки на его тунике. Потом снимаю ее, чтобы своими же глазами лицезреть эту широкую грудь. Я никогда не видела такого крупного и сильного мужчину.

Я веду пальцами вверх, провожу ими по темным волосам на его груди, затем опускаюсь ниже грудных мышц к твердой, как камень, талии.

У него на коже старые шрамы: какие-то почти неразличимы, а некоторые глубокие. Все они врезались в его загорелую кожу, как слова, вырезанные на дереве. Эти шрамы делятся историей о ранах и исцелениях, о потраченном времени и пролившейся крови.

– Штаны, – пощелкав пальцами, говорю я и показываю на умопомрачительные рельефы, скрывающиеся за тканью.

Хочу увидеть его полностью.

Уголки губ Озрика приподнимаются, и он развязывает тесемки. Одним сексуальным движением он встает и скидывает сапоги, и те с громким стуком падают на пол.

А потом Озрик стаскивает штаны, и я круглыми глазами смотрю на *его член*.

– Во имя всего божественного и благословленного...

Я видывала тысячи голых мужчин. Видела достоинства почти всех форм и размеров. У Озрика член огромный. Крупный. Идеальный. А эта вена... не знаю, что такого в этом пульсирующем тяже, но хочется провести по ней языком.

– Он подойдет, – говорит Озрик.

Видимо, решил, что я испугалась, раз так пялюсь.

А я и пялюсь.

Я что, сижу с отпавшей челюстью? Дикость какая! Ради всего святого, я же в этом профессионал.

Я поднимаю взгляд и смотрю на ухмыляющегося Озрика.

– О, я знаю. Просто ты и правда тот мужчина, который крупный во всем, – не скрывая восторга, говорю я.

Он пожимает плечами.

– Я крупный мужчина, поэтому у меня большой член.

– Не всегда так бывает, а у тебя он довольно солиден.

У Озрика вырывается смешок.

– Да?

– Клянусь богами, самый большой, что я видела, а я видела немало обнаженных мужчин. Ухмылка Озрика слетает с губ.

– Не говори о том, сколько повидала мужчин, а иначе я спрошу имя каждого и всех их перебую, черт меня дер.

Я хмыкаю.

– Мужчин будет много.

– Моя ревность не проводит грань, и я очень целеустремлен.

Я улыбаюсь во весь рот. По какой-то причине мне нравится его желание обладать мной, потому как в нем нет жестокости или властности. Кажется, что причина этого желания не гнев или неуверенность в себе, а преданность и забота.

– Что ж... докажи, каким целеустремленным можешь быть, – говорю я соблазнительным тоном и наконец опускаю руку на его возбужденный член. Он горячий на ощупь, и я прохожусь пальцем по той самой венке. Озрик издает тихий рык, и этот звук меня воодушевляет.

Обхватив член рукой и сжав, я тем самым побуждаю Озрика снова простонать и провожу несколько раз рукой вверх-вниз. На кончике выступает капля, и я ловлю ее пальцем.

– В какой позе ты меня хочешь? – мурлычу я и сажусь на колени. Соблазнительно провожу кончиком пальца по ложбинке груди, размазывая капельку его смазки по телу до самых бедер. – Или мне лечь на спину, чтобы ты ласкал мою грудь, пока трахаешь? – Я ложусь на спину. – Или ты предпочитаешь так? – говорю я, перевернувшись и опираясь на колени и руки. – Войдешь в меня сзади так глубоко, как только захочешь, схватишь за волосы и будешь смотреть, как покачивается моя задница от каждого движения?

Я смотрю на него через плечо, думая, что сейчас он признается, в какой позе возьмет меня, и готовлюсь доставить ему удовольствие, готовлюсь к действию.

– Иди сюда.

Я удивленно оборачиваюсь и приподнимаю бровь, когда Озрик опирается коленом на кровать и наклоняется надо мной. Я чувствую тепло его тела, его запах. Его твердый член так и манит протянуть руку и снова взяться за него. Погладить, приласкать и посмотреть, какие еще звуки будет издавать этот дикарь в ответ на мои прикосновения.

– Ты не обязана этого делать, – говорить он.

Я замираю.

– Что делать?

– Не должна играть роль, уточнять у меня или угадывать мои желания, словно удовлетворять меня – твоя обязанность. Я просто хочу *тебя*.

Я незамедлительно напрягаюсь, готовясь защищаться, но Озрик берет меня за руку прежде, чем я успеваю отстраниться.

– Выслушай меня, женщина, – грохочет он. – Со мной ты не наложница. Ты – это ты. А значит, ты делаешь все, что будет приятно тебе, черт подери. В любой позе, в которой ты захочешь. Я возьму тебя сзади, спереди, сбоку, вверх тормашками. Прижму тебя к стене или буду сладко брать в ванне. Не беспокойся, ты не обязана доставлять мне удовольствие. Обещаю: я буду наслаждаться каждым мгном, потому что я чертовски сильно тебя люблю. Ты поняла?

У меня гулко стучит сердце. Почему от его слов я чувствую себя хрупкой и в то же время всемогущей? Его слова кажутся карой и дарят ощущение раскрепощенности. Я разрываюсь между желанием начать спорить с Озриком и не делать этого.

А потом он спрашивает:

– А как ты меня хочешь, Желтый колокольчик?

И я не могу на это злиться.

Все мое тело заливают тепло, а ранимость сопровождают мурашки. На мгновение я задумываюсь, чувствуя, как он крепко сжимает мою руку. Озрик не торопит меня. Он дает мне время разобраться в себе.

Таких мужчин у меня еще не было. Озрик не похож ни на одного из тех, с кем я была прежде.

Чувствуя, как гулко бьется сердце, я с опаской отпускаю его руку, хватаю за плечи и дергаю. Озрик позволяет мне обращаться с ним как захочу, чего мне не удалось бы без его содействия, и я укладываю его на спину, а сама встаю над ним на колени. Грудь моя поднимается и падает, а дыхание спирает от тревоги и возбуждения.

Все это так по-новому – словно секс для меня нечто неизведанное, и это смешно. И все же... возможно, не так уж и смешно. Потому что между нами не просто секс, а близость. И для меня это очень-очень ново.

Я приподнимаюсь и перекидываю ногу через Озрика, садясь на него верхом. Он что-то глухо рычит, не сводя глаз с моего лона, а после подносит к нему руку, принимаясь ласкать и поглаживать.

«А значит, ты делаешь все, что будет приятно тебе, черт подери».

Его слова звучат эхом, побуждая меня на то, чего раньше я никогда не делала. Я беру Озрика за руку и подношу ее к тому месту, где и хочу ощутить, молча показывая, какие прикосновения предпочитаю.

Я прижимаю кончики его пальцев к клитору, двигаю ими по кругу, постепенно ускоряя и направляя его, и Озрик безропотно подчиняется.

В отличие от большинства мужчин самолюбие Озрика не страдает; он не пытается вернуть себе контроль и не игнорирует мои молчаливые указания. Он слушается меня и выглядит притом чрезвычайно довольным.

– Тебе нравится? – хриплым голосом спрашивает Озрик.

Я запрокидываю голову, прикрыв глаза, и просто позволяю себе получать удовольствие.

– Да.

– Ты такая мокрая, что твоя влага стекает по моим пальцам.

Он прав. Часть моей влаги даже покрывает и мои пальцы, а от клитора по всему моему телу разливается великолепный огонь. Ласки Озрика совершенны, и я, простонав, опускаю руки, но он продолжает в том же духе, как я ему и показывала, и не меняет темп, не отстраняется.

Я опираюсь руками о его мощные бедра и раскачиваюсь в такт его движениям.

Великие боги, как же приятно.

Мои волосы рассыпаются по плечам, все мое тело напряжено.

– Что еще тебе нравится? – спрашивает Озрик, и его голос своей глубиной и звучащей в нем жадой напоминает рык.

– Просунь в меня палец, – шепчу я.

Озрик вводит один палец, раскрывая меня. Даже палец у него кажется крупным, и от этого ощущения у меня почти текут слюнки.

– Проклятье, какая ты же ты влажная и узкая, – говорит Озрик и вводит палец снова и снова. Он загибает его, поглаживая меня изнутри, а большим пальцем снова ласкает мой клитор.

Ощущения просто восхитительны, но я еще не готова кончить. Я пока поднимаюсь к пику, но не достигла его. И все же прекрасно осознаю, сколько прошло секунд. Осознаю, сколько по времени он прикасался ко мне. Не хочу, чтобы Озрик расстраивался или разочаровался. Поэтому мое тело реагирует на мои поспешные подсказки. Так уж повелось.

Я приоткрываю рот и кричу. В комнате раздается горловой стон, когда я притворяюсь, будто испытала оргазм. И этот звук возмутительно чувственный. Он идеален. Это все тот же страстный крик, который я издавала уже тысячи раз.

И Озрик... замирает.

Я резко открываю глаза и смотрю на него.

– Что случилось?

Его рот сжат в жесткую линию, и языком он теребит деревянный пирсинг на нижней губе. Я не успеваю снова задать вопрос, как Озрик подкидывает меня вверх и переворачивает, как тряпичную куклу. Он садится в изножье кровати, а я оказываюсь лежащей на нем попой вверх.

– Какого...

ШЛЕПОК!

С оглушительным треском он опускает ладонь на мой голый зад. Я пытаюсь оттолкнуться от его ноги, чтобы сесть, но другой рукой он прижимает меня к кровати.

– Что ты делаешь?! – возмущенно вскрикиваю я.

– Ты симулировала удовольствие, – ворчит он и снова шлепает меня.

Я кричу, хотя мне не очень больно, но ладонь у него такая крупная, что удар приходится по всей ягодице.

– Сию же секунду поклянись мне, что больше никогда не будешь притворяться.

Я резко поворачиваю голову и свирепо на него смотрю.

– Напыщенный, грубый сукин...

ШЛЕПОК!

Я ерзаю, внезапно возбудившись от этого жалищего шлепка. Озрик бьет не сильно, но от его удара у меня трясутся бедра, а тело начинает покалывать.

Но это покалывание и тепло усиливаются, перерастая в сильное возбуждение.

И мне нравится.

Я злюсь, что мне это нравится.

– Прекрати! – мой требовательный крик звучит как стон, от которого я стыдливо краснею, чувствуя, как закипаю от злости.

– Ты первая прекрати!

– Да как ты смеешь! – верещу я. – Я не притворялась!

ШЛЕПОК!

– Ты притворялась, признай.

Ни за что.

Озрик осыпает меня шлепками, пока моя упрямая задница не начинает гореть. Пока я не становлюсь похожей на разъяренную кошку, готовую выцарапать ему глаза. Не из-за боли, а потому что он с таким пылом пытается выбить из меня признание во лжи.

Пока я не сдаюсь.

– Ладно! Отлично! Я притворялась! – спутанно кричу я, и Озрик мгновенно останавливается.

Я дрожу от острой боли в ягодицах, а еще от разлившегося по телу желания. Сейчас я так возбуждена, что, думаю, даже со своими габаритами Озрик с легкостью мог бы в меня войти. Но, боги, как же я зла!

– Сильно злишься? – спрашивает он.

– О, я в ярости.

Этому волосатому гиганту хватает наглости усмехаться. Я еще стою на коленях, вся моя задница пылает, а бедра покрыты влагой.

Невероятный ублюдок!

– Я наказал тебя не сильнее, чем ты не смогла бы выдержать, – говорит он, ласково поглаживая мою ноющую попу своей грубой рукой. – И не стал бы этого делать, если бы твое тело не подсказало, что именно это тебе и нужно, – добавляет Озрик, опуская палец на мое изнывающее лоно.

Я громко хнычу. Ничего не могу с собой поделать – эти шлепки разожгли во мне пламя.

– Ублюдок, продолжай.

Он снова усмехается.

– О, это я и собирался делать. Ты просто пообещай, что больше не будешь притворяться. Что не станешь лишать себя удовольствия, потому что беспокоишься о моем удовольствии или о том, что мне не хватит терпения. – Он уверенно проникает в меня пальцами. Раздвигает их, отчего я громко охаю. – Я наберусь этого чертова терпения, – говорит Озрик, просунув в меня палец дальше.

Раздается хлюпанье. Этот звук унизителен и показывает, насколько я возбуждена. Все мое тело будто охвачено огнем, но Озрик гасит мое смущение, когда сам издает стон, словно решил, что это самый сексуальный звук, который он слышал.

– Как я могу быть нетерпеливым, когда вижу тебя? Когда прикасаюсь к тебе? – цедит он, повернув палец и вытаскивая его. Я поднимаю взгляд и вижу, как Озрик просовывает палец в рот, с довольным стоном слизывая мои соки. – Как могу быть нетерпеливым, когда пробую тебя на вкус?

Он переворачивает меня, и я оказываюсь сидящей у него на коленях и прижатой к груди, но к моему заду он не прикасается.

– Со мной ты не будешь притворяться. Если еще не готова кончить, тогда это, черт побери, рай для меня, ведь это означает, что я могу и дальше тебя ласкать. – Озрик опускается, царапая бородой мою шею и целуя. – Могу и дальше пробовать тебя на вкус. – Он прижимается ко мне губами, и я чувствую вкус своего порочного возбуждения. – Могу и дальше тебя трахать...

Отстранившись, он смотрит мне в глаза.

– А теперь получай удовольствие, Рисса.

От одного его приказа я уже почти погружаюсь в экстаз. Нарастающий пузырь удовольствия вдруг лопается, даруя волнующее блаженство.

Я крепко сжимаю его член. Глажу вверх-вниз, наблюдая за выражением лица Озрика и наслаждаясь отчетливо отражающимся на нем желанием. А потом толкаю его, и Озрик безропотно падает на спину, отчего кровать трясется под его весом.

Снова оседлав мужчину, я кладу одну его руку себе на талию, а другую – на клитор.

– Прикоснись ко мне.

Так он и делает. Ровно так, как я ему показывала.

Я раскачиваюсь на его члене, и ощущение твердого, горячего пениса становится эротичным. Оно захватывает меня сполна. Каждый раз, когда ядвигаю бедрами, дразня его и размазывая по его телу свою влагу, Озрик стонет и пристально за мной наблюдает.

– Черт, как идеально, – говорит он.

– Не совсем...

Я обхватываю его основание, и пальцы мои не смыкаются. Чувствуя трепет внизу живота, я приподнимаюсь, пристраиваясь к нему, а потом медленно-медленно опускаюсь.

Хвала богам...

Размеры у него и правда невероятны. Я не врала, говоря, что не видела такого большого члена. Мое тело подстраивается под него, и я закрываю глаза, медленно опускаясь и разрешая себе прочувствовать каждый сантиметр, пока он не оказывается во мне полностью так, что я почти не дышу.

Я смотрю на него, а он смотрит на меня, не желая отводить взгляд.

И я начинаю двигаться.

Сначала медленно, полностью покрывая его своей влагой, раскачиваюсь взад-вперед. Я пробую, примеряюсь, пытаюсь понять, что мне нравится. Пытаюсь прочувствовать, в какой позе мне будет приятнее, а Озрик тем временем продолжает ласкать мой клитор, делая меня еще более влажной и горячей.

– С тобой так...

– ...чертовски идеально, – заканчивает он.

Да. Именно так.

Я раскачиваю бедрами, вжимаясь в него, и каждая клеточка в теле загорается, как фонарик. Я вся горю, словно вот-вот воспламенюсь алыми искрами. Но мне нужно больше.

– Переверни меня, – приказываю я.

В мгновение ока Озрик меняет позу с такой легкостью, что мое сердце екает. Теперь я под его мощным телом, а мои ноги зажаты его бедрами. Он входит в меня, и я закатываю глаза от удовольствия, почти не замечая покалывания на ягодицах, пока меня вжимают в кровать.

Я протягиваю руку и тру клитор одной рукой, а другой обхватываю его мошонку. Моя грудь раскачивается в такт движениям Озрика, я стону и извиваюсь под ним.

– Черт!

Он наклоняется и втягивает мой сосок в рот, затем переходит к следующему и после целует ложбинку груди. Он жадно ласкает ее горячим языком и продолжает пронзать меня членом.

– Сильнее... – стону я.

Озрик не просто начинает трахать меня быстрее. Он точно знает, как двигаться в медленном, но жестком ритме. С каждым движением его бедер я дышу еще громче, а его огромный член проникает так глубоко, что, клянусь, я чувствую его до самых ребер.

Его мощные толчки подбрасывают мое тело вверх, пока я не ударяюсь о спинку кровати, но Озрик просто опускает меня обратно, одной рукой обхватив бедро и еще сильнее прижимая к себе. Так он проникает еще глубже. Так он занимается со мной любовью в яростном и сокрушительном ритме.

Я не просто падаю с вершины. Я взрываюсь, как расплавленная лава, вырывающаяся из жерла вулкана.

Удовольствие вырывается из меня, из самого моего естества, разливаясь жаром по телу. В блаженстве от полноты этого ощущения я громко кричу.

Озрик входит и выходит из меня, впиваясь пальцами в бедро, а потом захватывает мой рот в поцелуй, ловя мое дыхание. Он входит в меня с такой силой, что я крепко зажмуриваюсь, слыша напротив губ его стон.

А следом в меня изливается его горячее семя, после чего он опускает голову на мое плечо. Теперь мы можем лишь тяжело дышать и сжимать друг друга в объятиях.

Когда я наконец снова могу говорить, то открываю глаза и смотрю на мужчину, который во всех смыслах застал меня врасплох.

– Это было...

– Как я и сказал. Чертовски идеально, – снова рычит Озрик, а потом прижимает к себе и переворачивается, не выходя из меня. Теперь я лежу на нем, чувствуя, как содрогаются мышцы от нашего удовольствия.

Никогда не испытывала такого наслаждения. Без притворства. Без потуг. Без спешки. И уж точно не во время работы.

Впервые я получила удовольствие, не будучи наложницей. И все благодаря Озрику.

Посмотрев на него и воспользовавшись тем, что у него закрыты глаза, я люблюсь им, пока он обнимает меня с ревностным обожанием.

– Так что? – спрашивает он, приоткрыв один глаз, словно почувствовал, как я смотрю на него. – Мы ошибка, Рисса?

Ответ мне дается легко, и я с улыбкой говорю Озрику:

– Лучшая ошибка, что я совершала.

Глава 8

Командир Райатт

Быть новым командиром сложно. Но быть новым командиром, когда на твое королевство внезапно нападают, то еще чертовое невезение.

Теперь, когда Слейд, Лу и Джадд отправились в Рэнхолд, а Озрик присматривает за Риссой, вся подготовка нашей армии возложена на мои плечи. Я хотел получить это звание, ждал, когда возьму на себя эту роль, но сомневаюсь, что готов.

Достоин ли я этого в самом деле?

Я прикладываю все усилия, чтобы подготовить нашу армию. Сейчас они ждут приказа: мобилизоваться или укрепить защиту.

Один из этих приказов я отдам, как только получу от Слейда посыльного ястреба. Брат должен сообщить, что за чертовщина творится в Рэнхолде и подготовили ли они к нападению армию Пятого королевства.

И это послание я уже давно должен был получить.

Эта мысль неотступно преследует меня со вчерашнего дня. Я знаю, как быстро может летать Арго. Слейд уже должен был прибыть в Рэнхолд. Но я стараюсь не думать, что могло что-то случиться. Есть множество причин, почему я до сих пор не получил от него вестей.

Мне просто нужно набраться терпения.

– Привет, командир.

Я поворачиваюсь, перестав наблюдать за лейтенантом, проводящим строевое учение, в ожидании, когда смогу обсудить с ним дальнейшую подготовку. И вижу, как ко мне направляется Кег в безупречном обмундировании и в начищенных до блеска сапогах.

– Кег, все в порядке?

Он останавливается рядом со мной у забора, огораживающего тренировочную площадку, и его вьющиеся черные волосы покачиваются в такт движениям.

– Мы получили известие, что в город прибыл груз. С тем количеством, что прибыло и прибудет следом, нам больше не придется нормировать выдачу городу или казармам.

Я с облегчением вздыхаю.

– Хорошо. Но нужно подготовиться к осаде. Надеюсь, до этого не дойдет, но на всякий случай.

– Не волнуйся, – кивает Кег, поправив коричневый кожаный ремешок, пересекающий его грудь. – Слышал, те министры свое дело знают. – Он показывает большим пальцем в сторону замка. – Они запасаются продовольствием на случай, если жителям близлежащих городов придется искать здесь убежища.

– Твои родители трудятся усерднее меня.

– Они любят это королевство. И не допустят, чтобы в их отсутствие что-то произошло.

– Исали бы этого, конечно, не потерпела, – усмехаюсь я.

Он ухмыляется.

– Нет. Фейри будут дрожать от страха, если им придется встретиться с ней лицом к лицу.

– Она может быть грозной.

– Я никогда не выигрывал у нее спор. И перестал пытаться еще лет в пять.

Я ухмыляюсь.

– Умно.

Он стучит по голове.

– Это у нас семейное, – отвечает он и салютует. – Начну составлять опись, чтобы мы четко понимали количество провизии.

– Спасибо, Кег.

Он уходит, и в тот же миг солдаты начинают покидать тренировочную площадку. Лейтенант кивает, давая понять, что готов к обсуждению, и мы направляемся в сторону моего кабинета.

Он начинает разговор, когда мы равняемся друг с другом:

– Боевой дух укрепился. Хотя врать не буду: половина солдат не верит во вторжение фейри, а другая половина увязла в слухах о том, что наш предыдущий командир Рип на самом деле был фейри и что это он привел сюда армию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.